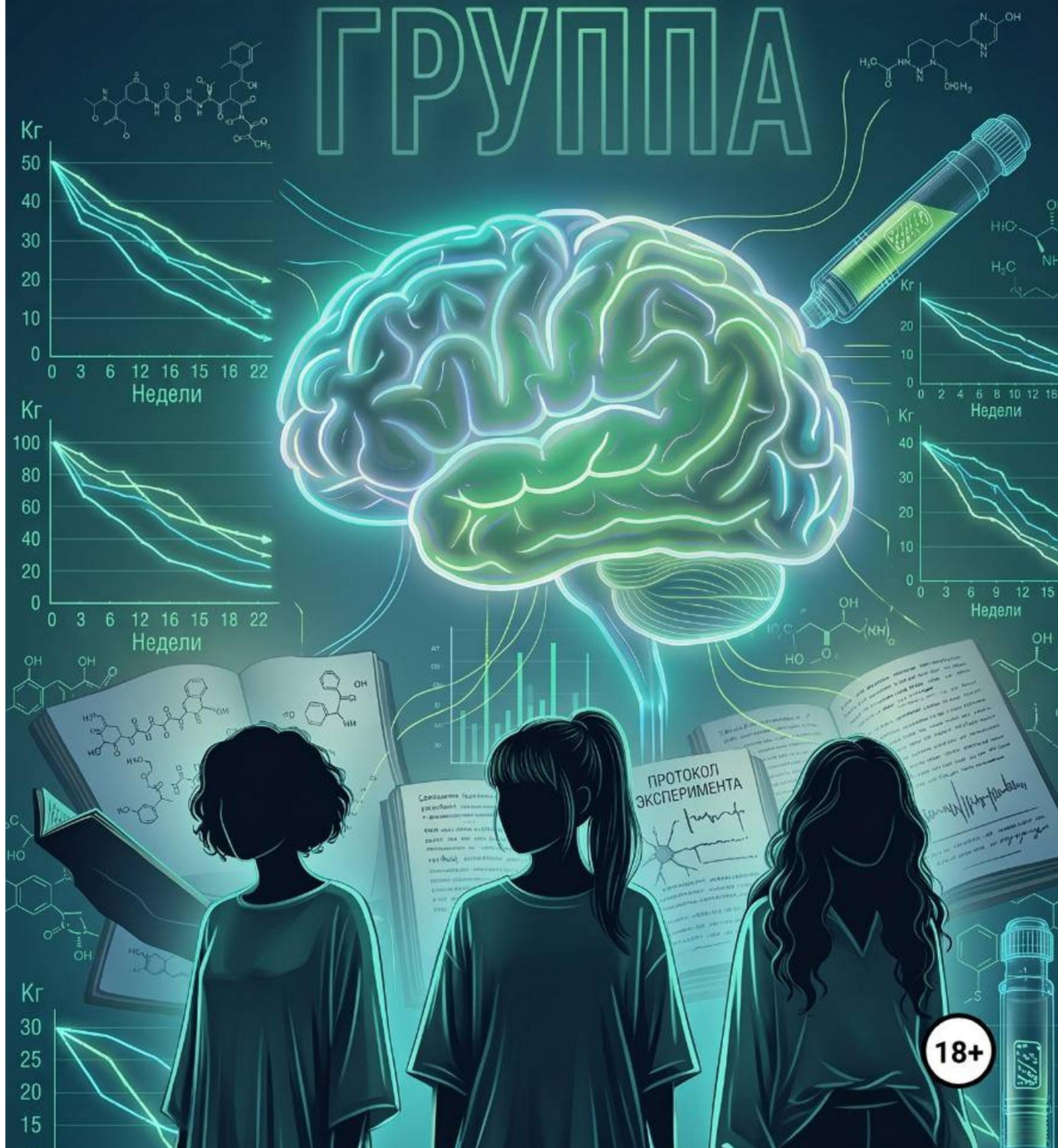

Аглая Регель

КОНТРОЛЬНАЯ ГРУППА

Аглая Регель

Контрольная группа

«Автор»

2026

Регель А.

Контрольная группа / А. Регель — «Автор», 2026

Что передаётся по наследству: болезнь, вина или способ любить? Елена привыкла доверять только строгим научным протоколам - для неё это единственный способ отгородиться от трагедии прошлого.

Пытаясь обрести внутреннюю тишину, она начинает медицинский эксперимент над самой собой. Препарат работает, но побочным эффектом становится потеря контроля над собственной жизнью.

Этим пользуется муж дочери, используя её болезнь как оружие, а саму Елену берет на крючок шантажа. Чтобы разорвать эту связь и спасти дочь, Елене предстоит выйти из роли наблюдателя. «Книга является художественным произведением. Любые совпадения персонажей и описываемых медицинских ситуаций с реальными людьми случайны. Описание препаратов и реакций на них отражает исключительно субъективный опыт персонажей и художественный замысел автор».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	46
Глава 13	50
Глава 14	54
Глава 15	59

Аглая Регель

Контрольная группа

Глава 1

*Влияние на поведение, не связанное с приёмом пищи,
изучено недостаточно.*

Из инструкции по медицинскому применению

Мне нравится, что вы больны не мной,

Мне нравится, что я больна не вами.

М. И. Цветаева

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 1

Субъект: Е. А. Ковалёва, 45 лет.

Наблюдатель: Е. А. Ковалёва, 45 лет.

Дата / время: 14 октября, 07:40.

Вес: 98,2 кг. Рост 168 см. ИМТ 34,8.

АД / пульс: 134/86, 78 в минуту.

Настроение (0–10): 5.

Вмешательство: тирзепатид 2,5 мг подкожно, первая доза. Область: живот, левый боковой квадрант.

Ладно. Формально положено начинать с конфликта ролей, и я начну: субъект и наблюдатель здесь один человек, так что всё, что я напишу о своих ощущениях, будет враньём в пределах погрешности. Мне это даже нравится. Любое исследование, в котором исследователь ничем не рискует, — прогулка по музею.

Теперь по-человечески, пока никто не читает.

Я стояла на кухне в одиннадцать минут восьмого, в халате, с ручкой-шприцем в руке, и у меня тряслись пальцы. Девять дней я готовилась к этому уколу так, будто мне предстоит не подкожная инъекция, а трепанация. Дважды перечитала инструкцию, которую знаю наизусть: я рецензировала статьи по этому классу препаратов и могу пересказать фармакокинетику во сне. Расставила на столе салфетку, ручку, блокнот. Помыла руки. Помыла ещё раз. Остановилась только тогда, когда заметила, что моюсь не потому, что нужно, а потому, что пока я мою руки, ничего не произойдёт.

Зоя Марковна назвала бы это ритуалом. Я бы сказала: процедурная гигиена. Мы бы обе были правы, и разговор закончился бы ничем, как всегда.

Щёлк. Щёлк. Шесть секунд, как положено. Я ждала боли. Не было ничего, комариный укус, и тот несерьёзный. И знаете, что я почувствовала? Обиду. Мелкую, детскую, нелепую обиду на то, что событие, к которому я готовилась девять дней, не удостоило меня даже синяка.

Блокнот я купила на Бауманской, в канцелярском, не глядя. Серый, твёрдая обложка, клетка. Выложила его на стол этим утром, и меня как током ударило: я его уже видела. Давно. В ящике стола, в другой квартире, которой нет. Хотела сначала вернуть в магазин. Потом подумала: взрослый человек способен пережить совпадение. И вот пишу в нём.

Официальная причина, чтобы было записано. Препараты этого класса, судя по данным, притупляют тягу к алкоголю и, возможно, к другим формам импульсивного поведения. Зна-

чит, они вмешиваются в систему вознаграждения глубже, чем думали. Я изучаю эту систему двадцать два года. Было бы странно упустить шанс посмотреть на неё изнутри.

Это правда. Это достаточная причина. Других причин в этой тетради до поры до времени не будет.

ЗАПИСЬ 2. 10:05

Лаборатория. Состояние нормальное. Тошноты нет, головокружения нет, во рту чуть суше обычного. Могу списать на метро: оно было душным, мартовским, то есть октябрьским. Вот, оговорила. Оговорки я фиксирую всегда, лет двадцать назад решила, что человек, который фиксирует собственные оговорки, застрахован от худшего. Звучит смешно. Работает, как ни странно, не очень, но привычка осталась.

В коридоре у вивария пахнет опилками и тёплой шерстью. Этот запах я перестала замечать на втором году аспирантуры, а сегодня он ударил мне в нос, как в первый день. Хочется списать это на препарат. Не буду. Данных нет, а я себе дороже.

Пока никого не было, я зашла к камерам оперантного обуславливания. В третьей сидела Т-17. Имена животным даёт Катя, аспирантка, я десять лет сопротивлялась и сдалась. Т-17 нажимала на рычаг так, как нажимают люди, у которых горит дедлайн: быстро, сосредоточенно, не поднимая головы. Режим подкрепления у неё переменный: награда выпадает не за каждое нажатие и не за каждое десятое, а когда придётся. Самый стойкий режим из всех известных. Крыса, которую кормят по расписанию, бросает рычаг, когда расписание кончается. Крыса, которая не знает, когда повезёт, не бросает почти никогда.

Это азбука. Я рассказывала это на лекциях раз двести, на примере игровых автоматов, и аудитория всегда одинаково понимающе кивала. Сегодня я смотрела на спину Т-17 и думала, что она не выглядит несчастной. Она выглядит занятой. И, кажется, это ровно та разница, которую я двадцать лет не могла объяснить студентам.

Отложила мысль. Но, видимо, недалеко.

В 9:40 по коридору прошёл Ридель с папкой под мышкой, и я услышала, как он не заглянул. Раньше он заглядывал каждое утро. В худшие годы. Когда мы разговаривали только через секретаря. Я узнала его шаги, он чуть припадает на левую ногу после той лыжной травмы, о которой рассказывает как о победе, и услышала, как они не замедлились у моей двери.

Нет, я не стала выходить. Я сидела с карандашом в руке и разглядывала собственные пальцы, как будто их там не было неделю.

Глеб Сергеевич был моим научным руководителем, потом мужем, потом человеком, который ушёл так аккуратно, что до сих пор приходится объяснять знакомым, что же произошло. Он ушёл к аспирантке. Это правда. Но он ушёл бы и без неё. При прощании он сказал: «С тобой невозможно быть рядом, ты всех превращаешь в материал». Формулировка точная, у него всегда точные формулировки. За это я его и любила. За это не простила.

Профессиональный вывод: реакция на человека, который прошёл мимо двери, — нерелевантная переменная. Исключаю из анализа.

Исключила. Не получилось.

ЗАПИСЬ 3. 13:15

Нежелательных явлений нет. Позывы к еде обычные: к обеду она так же настойчива, как вчера. Съела салат и половину курицы из столовой. Вторую половину оставила, не из силы воли, а просто потому, что не хотелось. Я оставила еду на тарелке! Последний раз это было, кажется, при Горбачёве. Заношу в графу «неопределённые наблюдения» и стараюсь не улыбаться.

В 11:20 пришло сообщение от Алисы. Приведу дословно, потому что в нём важна каждая запятая:

«В воскресенье не приезжай. Данила устал, ему не надо, чтобы кто-то ходил по квартире. Фёдор в порядке. Не звони, я сама напишу».

Алиса пишет без «здравствуй» и без подписи, так было всегда, даже до замужества. Поэтому тон не новость. Я пробежалась по версиям, как привыкла. Первая: у неё период сниженного фона, при её диагнозе это ожидаемо. Вторая: она проверяет, готова ли я к дистанции. Третья: просто фраза, не надо искать подтекст. Выбираю вторую. Не потому что она вероятнее, а потому что она самая удобная: при ней я ничего не обязана делать.

«Данила устал» написано так, будто это объясняет всё на свете. И «не надо», а не «не хочет». Грамматическая разница существует. Не уверена, что я её слышу. Возможно, я просто ищу, за что ухватиться.

В августе Алиса прислала фотографию Фёдора, сама, я не просила. Два года, красная футболка. Он сидит под столом и смотрит не в камеру, а левее, на дверь. Тогда я подумала: обычная детская поза, детям нравятся такие укромные места. Сегодня я открыла снимок ещё раз, и мне показалось, что взгляд у него не прячущийся, а караулящий. Закрыла. Я не детский психолог. Читать чужие фотографии — не навык, а привычка искать, где болит.

Почему-то вспомнился Маяковский. В школе я считала это вопросом к небу:

«Послушайте! / Ведь, если звёзды зажигают — / значит — это кому-нибудь нужно?»

Сегодня мне показалось, что вопрос адресован взрослым. Если ребёнок сидит под столом и смотрит на дверь, значит, это кому-нибудь нужно. Я поймала себя на этой мысли и тут же вернулась к таблице.

Алиса в семь лет спросила меня, почему лампа в коридоре на неё смотрит. Без страха, деловито, как спрашивают, почему сегодня шумно во дворе. Я записала фразу в тот же вечер: число, время, дословно. А потом сделала то, чего никогда не прощу себе как учёному: убрала запись подальше. Мне было важнее не знать.

Ответила: «Хорошо». Хотела написать больше. Печатала целое предложение, стирала, печатала снова. Отправила одно слово.

ЗАПИСЬ 4. 19:20

Сеанс у Зои Марковны, 18:00–18:50. Хожу по средам, как прежде. Для себя я называю это «профессиональной супервизией». Она называет это терапией. Мы давно не спорим об этом вслух, это такая вежливость между двумя взрослыми женщинами.

Она сразу заметила: «Вы сегодня пришли раньше». Я сказала: «У меня сегодня первая инъекция». Она кивнула и замолчала. Умеет ждать, у неё это не пауза, а присутствие. Через минуту спросила: «И как вы себя чувствуете?»

И я рассказала. Про двойной агонизм рецепторов GLP-1 и GIP. Про замедленное опорожнение желудка. Про центры насыщения в гипоталамусе, про мезолимбический путь. Минут десять говорила, и, кажется, интересно, как на конференции.

Зоя Марковна слушала, не перебивая. А потом тихо сказала: «Елена Андреевна, вы рассказываете мне о своих чувствах так, будто водите экскурсию по чужой квартире. Очень подробно. Вот здесь гипоталамус. Вот здесь путь вознаграждения. А где вы сами?»

Я смотрела на её руки. Сухие, тонкие, лежат на коленях совершенно спокойно. Она не спешила спасать меня паузой. Я сказала, что вопрос поставлен некорректно: «где я сама» не операционализируется. Она улыбнулась. Не с насмешкой. С чем-то, что я бы назвала жалостью, если бы жалость не была у меня запрещена по умолчанию. И сказала: «Хорошо. Давайте посмотрим через месяц».

На улице обнаружила, что руки ледяные, а сердце колотится, как после бега. Давление не мерила. Списываю на инъекцию и на сеанс вместе, не разделяя.

ЗАПИСЬ 5. 21:30

Вечером села за «базовую линию». Вес, давление, шкала настроения, сон, питание за неделю: восстановила по чекам из доставки. Таблица вышла опрятная, хоть сейчас в статью. Особенно мне понравился столбец «Эпизоды еды вне основных приёмов»: четыре за неделю, три из них после десяти вечера.

Не срывы. Срыв предполагает контроль, который сорвался. Это другое: целый день голова занята, а потом наконец перестаёт, и в образовавшуюся дыру нужно что-то положить. Обычно хлеб с маслом. Иногда остатки обеда. Один раз холодную гречку из кастрюли, стоя, при открытой дверце холодильника. Я смотрела в этот белый свет, как смотрят в окно.

Я знаю, как это называется в литературе. Знаю, какие контуры активируются, могу нарисовать схему по памяти с закрытыми глазами. И это ничего не меняет. В этом главная научная проблема моей жизни: двадцать лет я изучаю систему, которая меня не слушается.

Есть и вторая таблица, которую я в протокол не включаю, пишу сюда прозой, чтобы потом не делать вид, будто её не было. В 28 лет: 64 кг. В 34: 78. В 39: 91. В 43, весной, когда ушёл Ридель: 98. Это не кривая. Это ступени. И каждая ступень приходится на год, который я бы назвала «тихим». Не катастрофа, не событие, а именно тишина вокруг. Когда что-то происходило, я худела от злости и недосыпа. Когда ничего не происходило, я толстела.

Гипотеза, которую пока не готова проверять: еда для меня не награда. Еда для меня шум. Я включаю её, как другие включают радио в пустой квартире, чтобы не слышать, что в ней никого нет.

Для тех, кто когда-нибудь прочтёт это как материал (я пишу это как материал, иначе зачем): я не думаю, что препарат решит проблему. Я думаю, он уберёт один из её симптомов. И мне ужасно интересно, что окажется под ним. И ещё немного страшно, но это в графу «побочное».

ЗАПИСЬ 6. 23:35

Тошноты по-прежнему нет. Ужин был обычным, поужинала с аппетитом. Сон ожидаю плохой, кофе после шести — ошибка планирования.

Теперь то, что я хотела записать с самого вечера и откладывала. Наблюдение субъективное, прошу считать его несущественным. Квартира звучит иначе. Я пошла в темноте за водой и услышала холодильник. Не просто гул, который слышу годами, а паузу между двумя его включениями. Будто между двумя гудками что-то есть, и раньше я успевала этого не заметить.

Я стояла в коридоре дольше, чем нужно для стакана воды. Не знаю сколько. Не засекала, а должна была.

Попытка описать. Пауза не пустая. Она плотная, как воздух нежилой комнаты, когдаходишь и чувствуешь его лицом. Звука нет, но есть направление, как будто она куда-то ведёт. Ни приятно, ни неприятно. Похоже на ощущение, когда стоишь на пороге и ещё не решила, входить ли.

В тринадцать лет я тоже слушала тишину в доме и тоже решила, что это ничего. Потом в доме перестали произносить одно имя, и тишина стала правилом. А правила запоминаются лучше событий. С тех пор у меня превосходная система фильтрации.

Возможно, препарат просто убрал мой фильтр для голода, и вместе с ним что-то ещё. Побочный эффект, не описанный в инструкции. Надо проверить литературу. Хотя нет. Никто об этом не писал, потому что никто так не ведёт протокол.

Рисков не выявлено. Наблюдатель = испытуемый.

~~Я не уверена, что хочу, чтобы это сработало. [зачёркнуто, но читается]~~

Следующая запись: завтра, 07:40.

Глава 2

*Каждый автор несёт ответственность
за все аспекты работы.*

Из правил для авторов научного журнала

*Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял:
и я выучился ненавидеть.*

М. Ю. Лермонтов

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 2

Дата / время: 16 октября, 08:10. Третьи сутки после первой дозы.

Вес: 97,4 кг (минус 0,8).

АД / пульс: 128/82, 74 в минуту.

Настроение (0–10): 5, с поправкой на Риделя, о котором ещё не знаю.

Вмешательство: не проводилось. Следующая доза 21 октября.

Новый показатель: число проверок телефона за вчера: 11.

Показатель про телефон добавила вчера вечером, сама не знаю зачем. Наверное, потому что заметила, как держу его в руке, не включая. Это называется «не наблюдаю, но уже считаю». Одиннадцать раз за день. Из них от Алисы ноль. Остальные десять от банка, аптеки и рассылки со скидками на утеплённые куртки.

Так. Утро.

Кофе на вкус странный, как будто его варил кто-то, кого я немного обидела. Хлеб с маслом, моя вечная утренняя слабость, лежит на тарелке и ничего во мне не вызывает. Я стояла над ним и ждала желания, как ждут лифт: вот-вот приедет. Не приехал. Съела половину из вежливости. Ужасно странное чувство: впервые за двадцать пять лет передо мной еда, и она мне просто еда, а не собеседник.

Минус 0,8. Знаю: это в основном вода, а не жир. Знаю, что первые дни ничего не значат и что клиническая картина складывается к четвёртой-шестой неделе. И всё равно в ванной перед зеркалом позволила себе улыбнуться. Одна. Дрянное чувство, достойное первокурсницы. Записываю как наблюдение, а не как слабость.

ЗАПИСЬ 2. 11:40

Научное совещание. Пишу сразу после, пока руки ещё трясутся. Если почерк в этой записи поедет, прошу считать это не симптомом, а погодой.

Контекст. С апреля я готовила статью: «Динамика переключения на альтернативный источник подкрепления при хронической нагрузке». Название скучное, зато работа красивая, шесть месяцев данных, чистый дизайн, модель, которую я собирала по ночам. Ридель в соавторах, потому что без него не прошла бы этическая комиссия, и потому что в своё время он придумал половину инструментов, которыми мы пользуемся. Полина Орлова, его аспирантка, прогоняла часть животных и делала часть иммуногистохимии. Полина, как все знают, ещё и его нынешняя женщина. Я упоминаю это один раз и дальше стараюсь не повторять.

Сегодня утром на общий диск легла финальная версия рукописи перед отправкой в журнал. Я открыла титульную страницу. Список авторов: Орлова П. А., Ридель Г. С., Ковалёва Е. А.

Первое. Второе. Третье.

Я стояла перед экраном и физически чувствовала, как организм делает то, что я описываю на лекциях: перераспределяет кровоток, сужает внимание, готовится к драке. Давление, наверное, подскочило за сто сорок. Не мерила, а надо было.

После совещания Полина ушла быстро и с таким лицом, какое бывает у людей, когда они знают, что произошло что-то неловкое, но не хотят быть тем, кто это обсуждает. Это честно. Я ей симпатизирую, и это, пожалуй, самое неприятное.

Остались мы с Риделем вдвоём в переговорной. Ему пятьдесят восемь. Он по-прежнему красивый, седина идёт ему так же, как шла в тридцать восемь, и у него по-прежнему привычка стоять у окна, чтобы лицо было в полутени. Я сказала:

— *Ты поставил меня третьей.*

Он не обернулся:

— *Полине нужна первая позиция для защиты. Она защищается весной.*

— *Эту модель построила я. Дизайн мой. Анализ мой. Шесть месяцев.*

— *Знаю.*

— *Тогда почему...*

— *Лена. — Он повернулся. — У тебя двести четырнадцать публикаций. Двести четырнадцать. Ещё одна первая позиция не изменит твою жизнь. Её изменит.*

— *Дело не в позициях. Дело в принципе.*

— *Дело всегда в принципе. — Он вздохнул так, как вздыхают над неисправной техникой. — Ты опять не отличаешь результат от человека. Порядок фамилий не приговор тебе. Это порядок фамилий.*

Он сказал это спокойно, вежливо и абсолютно точно. Знаете, у Грибоедова есть строка, которую мы в школе заучивали как шутку:

— *«Злые языки страшнее пистолета».*

Я никогда не понимала, почему шутка. У Риделя язык не злой, он точный. С точным языком не отбиться: пистолет можно хотя бы обвинить в грубости.

Я сказала что-то про этику и про распределение вклада, привела пункт из правил журнала и, кажется, процитировала его дословно, с номером. Он слушал, не перебивая, потом сказал:

— *Лена, я понимаю, откуда это у тебя. Знаю лучше, чем ты хочешь.*

Я не помню, как встала. Помню только, что стул скрипнул, и что внутри меня произошла какая-то мгновенная заморозка, будто выключили отопление во всём здании.

— *Не смей.*

Он смотрел на меня секунды три. Я видела, как он взвешивает, идти ли дальше. У него есть эта черта: он всегда знает, как далеко можно зайти, и иногда заходит ровно на шаг дальше. В тот раз он остановился. Не из деликатности. Из расчёта: он понял, что, если скажет, я больше не буду с ним разговаривать никогда.

— *Ладно, — сказал он. — Ладно. Статья уйдёт в пятницу. Подумай.*

И вышел. Не хлопнул дверь. Он никогда не хлопает дверь. Он закрывает её так бережно, будто за ней осталась больная.

Теперь сухо, для протокола. Острая стрессовая реакция: тахикардия, сухость во рту, гипервентиляция. Субъективная оценка 8 из 10. Эпизод длился около двадцати минут. Тошноты нет, и это тоже, как ни смешно, данные: препарат на стресс, видимо, не влияет. Или влияет, а я не заметила.

Что именно он знает? Знаю: он знает то, что я сама рассказала ему однажды ночью, четырнадцать лет назад, в единственный раз за всю нашу жизнь, когда я перестала быть собой. Я тогда говорила часа три. Он слушал. Утром сказал: «Спасибо, что доверилась». А года через три использовал это в споре, ровно один раз, одной фразой. Я ответила ему тогда молчанием. С тех пор мы оба делаем вид, что фразы не было.

Но эту рану записываю не сюда. Пока не сюда.

ЗАПИСЬ 3. 15:20

Виварий. Взвешивала животных сама, хотя обычно это делает Катя. Мне нужны были чужие цифры и чужие тела. Сорок крыс, сорок строк: 287, 301, 294. Крысы не торгуются,

не повышают голос и не ставят на первую позицию аспиранток. Я люблю их за это нежно и бесстыдно.

Т-17 перевесила в субботу на восемь граммов. Я привычно подняла брови: она ела больше? Катя сказала, нет, она нервничала. Вчера у них в блоке ремонтировали вентиляцию, шум. Стресс прибавляет вес. Кому лучше знать, как не мне.

Катя в хорошем настроении, потому что у её молодого человека «зашла экспресс-ставка». Рассказывает с горящими глазами. Он ставит на футбол, на какие-то матчи в низших лигах, и сегодня у него вышло по коэффициенту три и четыре. Я спросила, как они считают вероятность. Она пожала плечами: мол, интуиция и статистика. Я спросила про выборку. Она посмотрела на меня удивлённо и, кажется, с лёгким уважением.

Я ушла из вивария с цифрой в голове. «Три и четыре». Не знаю, почему она осталась. В профессиональном смысле меня заинтересовало другое: как человек превращает неопределённость в азарт. Я изучаю этот переход двадцать лет, но на животных. На людях он выглядит иначе: у него есть голос, телефон и горящие глаза.

Заметка на полях, без выводов. Записываю, чтобы не потерять.

ЗАПИСЬ 4. 20:40

Дома. Съела суп из пакета, полторы ложки риса и половину яблока. Не потому что ограничиваю. Просто голод, который раньше стучал в двери, перестал стучать. Мне казалось, что тишина будет приятной. Она оказалась странной.

Проверок телефона за вечер: девять. От Алисы по-прежнему ничего. Это не повод для тревоги: она сказала, что напишет сама, а Алиса всегда делает так, как сказала. Это единственное правило, которому она не изменяла ни разу. Хотя именно в этом правиле я и вижу беду. Люди, которые всегда делают так, как сказали, делают так же и тогда, когда нужно было бы сказать что-нибудь другое.

Написала Алисе шесть черновиков. Привожу, как положено исследователю, все:

1. «Как вы?» Слишком общий. Алиса ненавидит «вы», когда речь идёт о ней и Даниле.
2. «Привезу продукты в субботу». Прозвучит как приказ.
3. «Я не буду заходить, оставлю у двери». Это унижительно для нас обеих.
4. «Как Фёдор?» Хороший вопрос, но тогда придётся ждать ответа, а ожидание сегодня — не мой навык.
5. «Мне приснилась бабушка». Это неправда. Не знаю, зачем я это набрала. Стёрла сразу.
6. «Я люблю тебя».

Шестой я смотрела минуты три. Потом нажала «стереть». Не потому что неправда, а потому что на такие фразы Алиса отвечает так, как отвечают на подозрительные вопросы: проверяет, что за ними. Она увидит в них не любовь, а симптом. И, что самое неприятное, будет права: у меня в этот момент не было других слов, чем те, что мне надиктовало одиночество.

Решение. Поеду в субботу, не в воскресенье. Привезу продукты, чай, детскую кашу, из тех, которые Фёдор ест. Побуду пять минут. Формально я нарушу условие, но формально это условие поставила не она, а усталость Данилы. Мотивирую клинически: признаков острого неблагополучия нет, но и подтверждения благополучия тоже.

Звучит убедительно. Я сама почти поверила.

ЗАПИСЬ 5. 23:50

Тошнота умеренная, появилась после десяти. Возможно, поздний чай. Возможно, нет. Спать не хочется, хотя завтра выходной, и я наконец признаю, что это не усталость, а пустое место, которое раньше занимала еда.

Сегодня в 22:14 пришло сообщение от Риделя. Три строки. Привожу дословно, как всё остальное:

«Я перегнул. Про то, что ты не отличаешь. Это было про статью. Про остальное я не сказал ничего».

Читала семь раз. Не ответила.

«Про остальное я не сказал ничего». Грамматически безупречно. И психологически безупречно: он одновременно извиняется и напоминает, что есть остальное. Ему никогда не нужно было угрожать, достаточно было указать на дверь, за которой лежит то, что я не хочу открывать. Двадцать лет назад я называла это его силой. Сейчас называю иначе, но пока не нашла слова.

Минут через двадцать выяснила, что в коридоре, у входной двери, стою уже в куртке. Хотела, видимо, выйти. Куда, не знаю. Не пошла. Разделась. Записала.

Наблюдение, которое я не планировала. Мне не хватает его шагов в коридоре по утрам.

Мне не хватает его шагов в коридоре по утрам. *[не вычёркиваю]*

Следующая запись: после субботы.

Глава 3

*Наблюдатель не должен вмешиваться
в наблюдаемое.*

Из учебника по методам исследования

Хоть убей, следа не видно;

Сбились мы. Что делать нам?

А. С. Пушкин

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 3

Дата / время: 17 октября, суббота, 09:30.

Вес: 96,9 кг (минус 1,3 от базовой линии).

АД / пульс: 130/84, 80 в минуту.

Настроение (0–10): 4.

Проверок телефона вчера: 3. Снижение, объяснение ниже.

Вмешательство: не проводилось.

Объяснение. Вчера вечером я купила в круглосуточном на углу всё, что нужно ребёнку двух лет и, предположительно, женщине двадцати четырёх, у которой в холодильнике, по моим оценкам, давно пусто. Заметила, что пока составляла список, телефон не проверяла ни разу. Деятельность подавляет тревогу. Это не открытие, но приятно убедиться на себе.

В тележку легли: две упаковки каши без молока, банан, зелёные яблоки, творожки, большой пакет гречки, чай в пакетиках (Алиса пьёт только один сорт, я его знаю), мандарины, три килограмма мясного фарша, ромашковые сушки, деревянный поезд из магазина игрушек. Последнее я взяла не думая и поняла только на кассе: я покупаю не продукты, а пропуск. Не в квартиру, а в разговор.

Алиса просила не приезжать в воскресенье. Сегодня суббота. Юридически я не нарушаю. Фактически знаю, что нарушаю. Ограничиваюсь тем, что записываю это здесь, как улику против себя же.

ЗАПИСЬ 2. 13:05

Пишу в машине, возле дома. У меня трясутся руки, поэтому почерк, прошу прощения, нерасшифровываемый. Если потом не смогу прочесть, значит, так и не надо.

Дом у них на окраине, девятиэтажка с облупленными балконами, вокруг одинаковые дворы, в которых легко потеряться. Лифт пахнет жареным луком и чем-то аптечным, и между седьмым и восьмым этажами он на секунду останавливается, будто раздумывает. Раньше этого не было. Или было, а я не замечала. Это моя главная неприятность последних недель: я начала замечать то, что раньше аккуратно отфильтровывала.

Позвонила в дверь. Подождала. Из-за двери донёсся голос, весёлый, тёплый, слишком хорошо поставленный:

— Алиска, это мама! Открываю!

Дверь открыл Данила.

Расскажу о нём подробно, потому что я привыкла описывать испытуемых до того, как с ними что-нибудь случилось. Двадцать два года. Худой, красивый какой-то женской красотой, с густыми ресницами и кривоватой улыбкой, которая делает лицо мальчишеским. Ногти обкусаны до мяса, но руки чистые, и пахнет от него мятной жвачкой. Футболка, спортивные брюки, в левой руке полотенце, которым он вытирает кружку. Типичный молодой отец. Если бы мне показали его фотографию в журнале про семейное счастье, я бы не удивилась.

— Елена Андреевна! — Он улыбнулся так, как улыбаются люди, которые умеют. — А мы вас ждали. Алиска вчера говорила, что вы, может, заедете.

Алиса вчера мне писала, чтобы я не приезжала. Я промолчала, потому что тут же включилась привычка фиксировать, не спорить.

Алиса стояла в глубине коридора, у стены, как тень от шкафа. Серый свитер с растянутыми рукавами. Волосы собраны в хвост, лицо бледное, но не болезненное, скорее вымытое. Не обняла, не подошла, не улыбнулась. Просто сказала:

— *Я писала, чтобы ты не приезжала.*

Данила рассмеялся, обнял её за плечи одной рукой. Так обнимают человека, которого любят и которому доверяют.

— *Ну она всегда так пишет. А сама у окна караулит. Правда же, Алиска?*

— *Нет,* — сказала Алиса.

— *Ты вчера сама просила, чтобы мама приехала. Помнишь? Поздно вечером.*

— *Не помню.*

— *Ну вот. — Он посмотрел на меня с нежным, заговорищким сочувствием. — Бывает у неё. Вы же знаете.*

Я знаю. Я ужасно, ужасно знаю. И в эту секунду мне стало стыдно за то, что внутри меня с готовностью щёлкнул переключатель: «дереализация, нарушение памяти на события, возможны эпизоды сниженного фона». Я почти кивнула. Остановила себя на половине кивка. Данила, кажется, это заметил.

Заметку на полях записываю отдельной строкой, потому что не могу решить, куда она относится. Он умеет делать одну вещь: превращать утверждения Алисы в симптомы. Ни разу не соврал. Просто повернул её слова так, чтобы они упали вниз, как карточка.

ЗАПИСЬ 3. 13:50

Продолжаю. Руки трясутся меньше.

Они живут в двухкомнатной, на кухне стол с трещиной посередине, на нём клеёнка в ромашках. Фёдор сидел под столом, не рядом, а именно под. Увидел меня и не выбежал. Выглянул. Посмотрел. Молча сел обратно. На коленях у него был обрывок картонки, на которой он что-то рисовал фломастером, большой жёлтый круг и рядом маленький тёмный.

Я присела на корточки, колени хрустнули, и сказала: «Привет, Федя». Он смотрел на меня секунд десять. Потом сказал одно слово:

— *Ба.*

Это первое слово, которое я от него слышу. Я услышала его как бабушка, а не как исследователь. Я достала поезд, он взял его, не улыбнувшись, повертел в руках, поставил рядом с собой на пол. Ни одного звука. До слёз оставалось секунд двадцать семь, я засекала. Потом встала и сделала вид, что мне нужно к раковине.

Данила, разумеется, всё это время поил меня чаем. Он заварил его в фарфоровой чайной паре, достал из шкафа сушки, нарезал лимон. Говорил легко, по-хозяйски: про работу («подвернулся хороший склад, Елена Андреевна, смена с восьми, пока на испытательном»), про ремонт («обои переклеим, как только Алиска окрепнет»), про Фёдора («растёт, как на дрожжах»). Он смотрел мне в глаза, не отводя, ни разу. И я вспомнила Толстого, которого в школе проходили как будто для обязательного ритуала:

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Я сидела за кухонным столом и думала, что Толстой, вероятно, не учёл случай, когда они похожи. Когда несчастье научилось маскироваться под счастье так хорошо, что его можно снимать для рекламы чая.

В какой-то момент Данила встал, чтобы убрать посуду. Он открыл шкаф над раковиной, поставил чашки и захлопнул дверцу. Не сильно, обычный бытовой звук.

Фёдор замер.

Теперь только факты. Ребёнок, 2 года, под столом. В момент резкого звука прекратил движение рук, перестал дышать (грудная клетка не двигалась около четырёх секунд), глаза не закрыл, а, наоборот, расширил и уставился на пол, строго перед собой. Затем медленно выдохнул. Продолжил рисовать. Ни плача, ни вздрагивания, ни возгласа. Реакция, которую я видела у крыс, проводивших недели в хроническом стрессе: не бегство, а замирание.

Данила повернулся, мягко улыбнулся и сказал: «Ой, прости, Федь, не сильно хлопнул». Тон абсолютно нежный. Фёдор не поднял головы.

Алиса видела всё. Она сидела напротив, держала чашку обеими руками, не пила. Заметив, что я на неё смотрю, перевела взгляд на чашку, потом на скатерть, потом на окно. И вот тут я впервые за день увидела у неё на левом запястье синяк.

ЗАПИСЬ 4. 14:20

Описание. Левое запястье, внутренняя поверхность и прилегающая часть предплечья. Площадь около четырёх на шести сантиметров. Цвет: жёлто-зелёный по краям, фиолетово-серый в центре. Давность, судя по цвету, пять-семь дней. Рукав свитера, подтянутый при поднятии чашки, на секунду открыл его, затем она опустила руку. Я не успела определить форму, только общее впечатление. Если бы мне пришлось нарисовать, я бы нарисовала несколько овалов, расположенных почти параллельно.

Я смотрела дольше, чем нужно. Данила, не оборачиваясь, сказал с раковины, будто чувствовал взгляд затылком:

— *Это она дверцей шкафа. Дверцей, да, Алиска? Она у нас ловкая.*

Алиса посмотрела на его спину. Секунды две. И сказала ровным голосом:

— *Дверцей.*

Мне надо записать, что произошло в моей голове, потому что именно здесь, как мне теперь кажется, находится весь смысл этой главы. В моей голове за долю секунды возникло три объяснения. Первое: действительно дверцей, это правдоподобно, у Алисы нарушена координация и пространственная ориентация, у таких людей синяки встречаются часто. Второе: самоповреждение, при её диагнозе нельзя исключить. Третье я не называю.

Я выбрала первое. Не потому, что оно вероятнее. Потому, что оно позволяло мне допить чай.

Алиса вышла в коридор, сказав «сейчас вернусь», и я вышла следом, под предлогом «помыть руки». Мы остались вдвоём в узком коридоре у вешалки, в запахе сырых курток. Я спросила:

— *Как ты спишь?*

— *Нормально.*

— *Таблетки пьёшь?*

— *Пью, когда помню.*

— *Это не ответ. Тебе назначили...*

— *Ты опять.*

Она сказала это негромко. Не зло, а как констатацию. И, глядя мне прямо в лицо, без той манеры, когда её взгляд проходит куда-то сквозь, добавила:

— *Ты смотришь на меня как на препарат с побочными эффектами. Заметила? Каждый раз. Ты приезжаешь, смотришь на руки, на глаза, на то, как я стою. Не на меня. На данные.*

Я открыла рот, чтобы возразить. Закрыла. Потому что она была права до такой степени, что любое возражение прозвучало бы как подтверждение. Когда я смотрела на синяк, я видела не дочь, а гематому. Когда слушала голос, считала паузы. Когда увидела её в дверях, зафиксировала: «осанка сутулая, мимика обеднена». Только потом, через полсекунды, пришло слово «Алиса».

Записываю это с почти научным интересом, который, наверное, и есть главная улика против меня.

— Мам, — сказала она, и это «мам» было, кажется, за год первым. — Я знаю, что ты хочешь, как лучше. Но ты опять приехала меня спасать, а я не тону. Правда не тону. Я тебя ненавижу.

Последние слова она произнесла так, как говорят «до свидания». Без злости, без крика, по-деловому, как диагноз.

Я не нашла, что сказать. И, что хуже всего, нашла. Услышала собственный голос, который спросил:

— А дозировку тебе не меняли?

Алиса посмотрела на меня. Долго. Потом чуть улыбнулась. Не обидно, не злорадно. Скорее с каким-то тихим, усталым удивлением, с каким смотрят на собаку, которая в сотый раз приносит то, что её просили не приносить.

— Вот видишь, — сказала она.

И ушла на кухню.

ЗАПИСЬ 5. 14:55

Ушла я через пять минут. Оставила пакеты в коридоре, у вешалки. Данила, провожая, помог надеть пальто, нежно, по-сыновьи, придержал рукав. Сказал: «Спасибо за продукты, Елена Андреевна, правда выручили». На пороге добавил тише, наклонив голову:

— Вы не волнуйтесь за неё. У неё бывает, но я рядом. Я слежу.

«Я слежу». Эти два слова я записала, не отходя от двери, на обороте чека. Не знаю зачем. Позже перечитаю и пойму.

Когда лифт, остановившись между седьмым и восьмым, ожил снова, я заметила, что считаю. Секунды. Шесть. Столько же длилась инъекция, и столько же, видимо, длится любое ожидание, которое потом называют жизнью.

ЗАПИСЬ 6. 21:10

Не могу.

ЗАПИСЬ 7. 02:15

Почерк восстановился. Привожу итог вечера в виде таблицы, потому что иначе нельзя.

Гипотеза А. Ушиб о предмет мебели. Вероятность: высокая. Против: форма, расположение (внутренняя поверхность запястья, а не наружная), реакция на вопрос.

Гипотеза Б. Самоповреждение. Вероятность: умеренная. Против: у Алисы никогда не было такого паттерна, она не причиняла себе боли даже в худшие периоды. За: диагноз, стресс, отношения.

Гипотеза В.

Строка В осталась пустой. Не потому что я её не вижу. А потому что у меня нет формы, куда её вписать. Я сорок лет умею заполнять формы. Эта не заполняется.

И ещё одно, чего в таблицу не поставишь. Когда я уходила, на диване, под краем подушки, торчал уголок тетради в клетку, школьной, в зелёной обложке. Алиса, проходя мимо, села на неё, как будто просто села. Но села быстро. И этого движения я никогда не забуду, потому что в одиннадцать лет, в доме у других людей, я делала точно так же.

Я не стану спрашивать, что в тетради. Я знаю, что в такие тетради пишут. Знаю, зачем. Знаю, что значит прятать записи под подушкой и чувствовать, что хоть что-то остаётся твоим.

Я знаю, и это единственное, что я знаю про них обеих.

Я должна была что-то сказать ему про «я слежу». [зачёркнуто]

Нет, правильнее так: я должна была что-то сказать себе.

Следующая запись: когда смогу.

Глава 4

*Информант, как правило, ненадёжен
в том, что касается собственного детства.*

Из руководства по сбору анамнеза

И звуков небес заменить не могли

Ей скучные песни земли.

М. Ю. Лермонтов

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 4

Дата / время: 18 октября, воскресенье, 04:40.

Вес, АД, пульс: не измерялись. Впервые.

Настроение (0–10): не оценивалось.

Сон: отсутствует. Около четырёх часов в кресле, не считается.

Протокол в обычном смысле заполнять не буду. Показатели не изменились настолько, чтобы заслужить цифры. Запись иная: она не про сегодня.

Вчера вечером Алиса сказала мне, что я смотрю на неё как на препарат с побочными эффектами. Двенадцать часов я пыталась с этим не согласиться и не смогла. Тогда я решила сделать то, что сделал бы любой исследователь, обнаруживший систематическую ошибку: вернуться к исходным данным. К самым ранним.

Форму выбираю привычную. Анамнез. Описание в третьем лице, без оценок, в прошедшем времени, как будто пишу о посторонней пациентке. Я умею так писать. Это единственный способ, при котором я могу говорить об этом дольше трёх фраз.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. АНАМНЕЗ. (из памяти, без документов)

Девочка, восемь лет. Единственный ребёнок. Живёт с родителями в двухкомнатной квартире на третьем этаже старого дома, окна во двор, где растёт один большой тополь, который каждый июнь засыпает подоконник пухом. Отец, Андрей, инженер, уходит рано, возвращается поздно. Мать, Раиса, тридцать шесть лет, преподаватель литературы в школе, где девочка не учится: мать принципиально не хочет, чтобы дочь «видела маму на работе».

Мать — самый яркий человек из всех, кого девочка знает. Не красивый, а именно яркий: высокая, с резкими чертами, с привычкой разговаривать на ходу, жестикуюлируя руками, в которых всегда что-нибудь: ложка, книга, чужая тарелка. Она смешная. Невероятно смешная. Умеет изобразить соседку так, что девочка плачет от смеха. Умеет прочесть вслух заводской приказ голосом Гамлета. Умеет, придя из школы, сразу объявить войну пыли, жаре и унынию и действительно выиграть.

Ещё мать умеет читать вслух.

Это ритуал, и он священный. По вечерам, когда отец ещё на работе, они садятся на кухне, на клеёнку в красную клетку. Чай с малиновым вареньем, три печенья на тарелке. Мать открывает книгу и начинает, и тогда кухня перестаёт быть кухней. У каждого героя свой голос. Нос майора Ковалёва (девочка гордится однофамильцем) говорит в нос и надменно. Сам майор верещит. Цирюльник Иван Яковлевич бормочет, как будто боится, что его подслушают. Мать читает «Нос» Гоголя три вечера подряд, и на третий девочка задыхается от смеха под столом, держась за ножку табурета.

И вот финал. Мать читает его тихо, почти без интонации, и вдруг голос становится другим, не театральным, а настоящим. Она говорит:

«...Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают».

Девочка не понимает, почему мать замолкает после этой фразы. Закрывает книгу. Долго смотрит в окно. Девочка тогда решает, что это просто театральная пауза.

Теперь, из сорока пяти лет, я думаю, что это был единственный раз, когда мать прочла вслух правду о себе, и я её не услышала.

ПРИЛОЖЕНИЕ А, ПРОДОЛЖЕНИЕ. 05:20

Есть и другая мать. Она появляется не сразу и не навсегда.

Первые признаки девочка не умеет называть. Они мелкие и бытовые. Мать начинает ставить чашки на стол в определённом порядке и сердится, если порядок нарушен. Начинает говорить тише, как будто боится, что стены слышат. Не спит ночами, ходит по коридору. Однажды приходит из школы в двух разных туфлях и не замечает, и весь вечер смеётся над этим так, что отец не решается спросить, что смешного. Девочка замечает всё. Девочка с первого класса умеет замечать. Это её способ быть полезной.

В октябре того года (девочке восемь, ей скоро будет девять) мать впервые говорит на кухне нечто, чего девочка не понимает. Она смотрит на часы, прислушивается и шёпотом произносит: «Они сегодня говорят о нас, Леночка. Не вслушивайся». Девочка спрашивает: кто? Мать отвечает: «Те, кто за стеной». За стеной живёт соседка баба Нюра, которая смотрит сериалы и ест пирожки. Девочка кивает. Девочка, кажется, решает, что это игра.

Через неделю после этого, в ноябре, вечером, наступает день, который в этой семье потом никогда не называли по имени.

Они сидят на кухне. Мать читает вслух, но не Гоголя, а Пушкина, «Сказку о мёртвой царевне». Девочка слушает, уткнувшись подбородком в сложенные руки. Мать читает хорошо, ровно, как всегда. На середине страницы она останавливается. Не театральная пауза. Просто останавливается, так же, как останавливаются часы.

Поднимает голову. Смотрит на девочку. Не мимо, не сквозь, а прямо, внимательно, без всякой злости. Так смотрят в поликлинике, когда в очередь встаёт кто-то незнакомый. И очень вежливо, очень спокойно, тем же голосом, которым только что читала вслух, спрашивает:

— *А вы кто?*

Девочка смеётся. Она думает, что это новая игра, из тех, что мать иногда придумывает. Она говорит: «Мама, ну ты чего». Мать не улыбается. Она аккуратно закрывает книгу, кладёт на неё ладонь и говорит:

— *Простите. Вы, наверное, из соседнего подъезда. Я не помню, чтобы приглашала. Вам нужно уйти, пока муж не вернулся.*

Девочка отвечает: «Я Лена». Мать смотрит на неё с интересом, как на любопытный феномен. Потом очень мягко говорит:

— *Леночка осталась в садике. Она там ещё маленькая. А вы очень на неё похожи. Но вы, пожалуйста, не обманывайте.*

Девочка не плачет. Я хорошо помню: я не заплакала. Я сидела, держа ладони на коленях, как на уроке, и думала только одно, очень чётко, словами, которые нашла потом спустя годы. Я думала: нужно запомнить, как она сейчас говорит. Во что одета. Что на столе. Сколько на часах. Записать. Вдруг пригодится.

Вот. Я перешла на «я» и не заметила. Оставляю так.

ПРИЛОЖЕНИЕ А, ПРОДОЛЖЕНИЕ. 06:10

Я просидела на той кухне, как мне сейчас кажется, около двух часов. Не плакала, не звала на помощь. Мать ушла в комнату, закрыла дверь. Слышно было, как она ходит. Потом перестала. Потом снова пошла. Мне было восемь, и я понимала только, что мою мать, ту, у которой в руках всегда что-нибудь, заменили, а меня вместе с матерью вычеркнули из списка тех, кого она знает.

Отец пришёл в девять. Увидел меня на кухне, мою ладонь на клеёнке, нетронутый чай. Не спросил ничего. Сказал: «Мама отдыхает. Иди умойся и ложись». Подошёл к двери в комнату,

приоткрыл, постоял. Потом снял куртку и долго стоял в прихожей, не включая свет. Я слышала, как он дышит.

Это та самая тишина, которую я слышала в коридоре моей нынешней квартиры в ночь первой инъекции. Я не ошиблась. Она не новая. Она мне знакома по запаху.

Утром мать вышла на кухню, обняла меня обеими руками и спрятала лицо мне в волосы. От неё пахло мылом и малиновым вареньем. Она сказала:

— *Леночка. Прости меня. Это была не я.*

Она помнила. Не всё, но достаточно. Это было, пожалуй, страшнее всего: она вернулась, узнала меня и знала, что меня не узнавала. Она ничего не объяснила. Я ничего не спросила. Так мы научились жить: через такие утра, в которых вчера не случилось, а потом снова случилось, и ничьим голосом об этом не говорили.

Диагноз поставили поздно. «Нервное истощение», «астенический синдром», «реактивное состояние», так называлось это поначалу. Название «шизофрения» в нашем доме прозвучало лет через шесть, и произнёс его не врач, а отец, на кухне, ночью, глядя в стену. А я в это время уже вела блокнот.

ПРИЛОЖЕНИЕ А, ПРОДОЛЖЕНИЕ. 06:40

Блокнот. Это нужно объяснить, потому что в начале октября я сделала вид, что случайно купила похожий.

Серый, в твёрдой обложке, в клетку. Мне его подарила мать. Подарила в светлый период, примерно через месяц после той ноябрьской кухни, когда была особенно нежной и смешной. Она вручила его мне за ужином, как вручают награду, и сказала, сдвинув брови, с абсолютной серьёзностью:

— *Записывай, Леночка, что видишь. Это единственное, что не обманет. Люди обманывают. Я обманываю. Слова обманывают. А записанное остаётся как есть.*

Она произнесла это, понимая, что делает. Мне сейчас кажется, что она дала мне оружие и инструкцию против самой себя. Она знала, что однажды перестанет быть собой, и ей нужен был свидетель, который будет помнить, какой она была на самом деле. Выбрала меня. Мне было девять.

Я вела этот блокнот пять лет. Каждый день писала, что она ела, как говорила, что читала вслух, не называла ли меня чужим именем. Придумала шкалу: «ясно», «с облаком», «далеко». Считала дни. К одиннадцати годам у меня была статистика. Я знала, сколько в среднем длится «далеко» и сколько проходит между периодами. Я могла предсказывать. К двенадцати предсказывала с точностью до двух дней.

А потом наступил день, когда статистика оказалась бесполезна. Но об этом не сегодня.

Той первой страницы в блокноте, как мне кажется, никто не видел. Не показывала ни Риделю, ни Зое Марковне. На ней, в самом верху, мамин почерк. Одна строка. Я перечитывала её, наверное, тысячу раз, но никогда не переписывала в протокол, не цитировала в разговоре и не называла вслух. Она не воспроизводится.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 07:05

Теперь о систематической ошибке, ради которой я начала.

Алиса говорит, что я на неё смотрю как на данные. Я знаю, почему. В восемь лет я научилась смотреть на мать так, чтобы не чувствовать, что она на меня не смотрит. Это был навык выживания, а не жестокости. Но навык, однажды закреплённый, не отключается. Я навела его на дочь. Я так смотрю на неё с её семи лет, когда лампа в коридоре «смотрела» на неё.

Вопрос, который я сформулирую и потом вычеркну, потому что его нельзя ставить в протоколе: если человек мог любить и не узнавать, то что вообще значит любовь?

Мать любила меня. Это не вызывает у меня сомнений. Мать смотрела на меня, свою единственную дочь, и спрашивала, кто я такая. Оба факта одинаково достоверны. Из этого я

вывела единственное правило, которому следовала сорок лет: не доверять собственной любви. Чувствовать её может каждый, а проверять нужно по результатам.

Информант ненадёжен. Это записано в первых строках любого руководства. Я не знаю, где сейчас кончается воспоминание и начинается интерпретация, и, кажется, давно не знала.

Девочка из анамнеза, которая сидела за кухонным столом и считала минуты, — это я.
[да. это я]

Следующая запись: когда смогу вернуться к цифрам.

Глава 5

*Большинство побочных эффектов были лёгкими
и проходили самостоятельно.*

Из описания клинического исследования

Их оглушит наружный шум,

Дневные разгонят лучи.

Ф. И. Тютчев

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 5 (СВОДНЫЙ)

Дата / время: 14 ноября, суббота, 07:40.

Период: пять недель от базовой линии.

Вес по неделям: 98,2 → 96,8 → 95,9 → 94,7 → 93,8. Сегодня: 93,4 кг.

Итого: минус 4,8 кг. Темп: умеренный, по литературе ожидаемый.

Доза: 2,5 мг, четыре введения (14, 21, 28 октября, 4 ноября). С 11 ноября: 5 мг.

АД / пульс: 124/80, 72 в минуту.

Настроение (0–10): 5. Стабильно. Подозрительно стабильно.

Побочные явления: лёгкая тошнота по вечерам (недели 1–3), запоры, сухость во рту, металлический привкус кофе, отвращение к жирному, головная боль дважды.

Сводка выше выглядит как должна выглядеть сводка. Ровная, воспроизводимая, пригодная для публикации в приложении к статье. Всё, что в ней нет, я напишу ниже.

Вернулась к цифрам, как обещала. Видимо, с цифрами у меня договор: я не прошу у них утешения, а они не требуют у меня правды.

ЗАПИСЬ 2. ШУМ

Пять недель назад я написала в протоколе, что подозреваю: еда для меня не награда, а шум. Хочу описать, как этот шум пропал, потому что в литературе об этом сказано плохо.

В клинических работах это называется «пищевой шум», food noise. Постоянные навязчивые мысли о еде, не голод, а гул вокруг голода: что приготовить, когда поесть, не пора ли, а вот это, а вот то. Пациенты на этом классе препаратов часто пишут, что шум уходит «как будто выключили холодильник». Мне эта формулировка казалась забавной метафорой. Сейчас я понимаю, что это просто точное описание.

Он ушёл на второй неделе. Не сразу, а как уходит тёплый воздух из комнаты, когда открыли окно: сначала не замечаешь, потом по ногам тянет. Однажды утром я стояла в кухне, смотрела на банку с орехами, и ничего не произошло. Не было привычного: «возьми, попробуй, чуть-чуть». Я просто знала, что в банке орехи. Информация, а не искушение.

Это было похоже на отключение шума в самолёте. Секунду думаешь, что оглох, потом понимаешь, что просто двигатель всё время гудел, а ты этого уже не слышала.

А потом я заметила, что шум был не только про еду.

Весь последний месяц я вслух и про себя называла это «ясностью головы». Мысли стали короче, спокойнее. Не стало навязчивых диалогов с Риделем в душе. Не стало внутренних повторов фраз, которые я не произнесла. Меньше стало внутреннего судьи, который по ночам перечитывает мой день и ставит оценки. Мне это нравилось. Именно это я бы с удовольствием описала в статье как «положительный центральный эффект».

Но у шума, как выяснилось, была функция. Он занимал место. И теперь это место пусто, и в нём стоит эхо, как в зале, из которого вынесли мебель.

ЗАПИСЬ 3. НОЧИ

С третьей недели я просыпаюсь в одно и то же время. 3:40. Не примерно, а ровно, с точностью до минуты. Лежу, смотрю на красные цифры будильника. Раньше такого не было.

Не стану строить гипотез, но замечу: первая запись о тишине в этом дневнике сделана в 23:35, а следующая около трёх. Что-то в моём организме разучилось быть занятым в промежутке.

В эти минуты я слышу дом.

Я знаю, как это должно звучать в протоколе. Но запишу как есть. Не «слышу» в том смысле, что где-то что-то есть. А слышу так, как слышишь запах, который кажется знакомым, и не можешь вспомнить, откуда. Отопление щёлкает в трубах. Лифт где-то на нижних этажах ползёт вверх. Сосед за стеной кашляет, один раз, глухо. И среди этого всего возникает ритм. Шаги. Медленные, ровные, туда-обратно по коридору.

Я знаю этот ритм. Это шаги матери в ночь, когда она не спала.

Теперь самое важное, ради чего вся эта запись. Первое, что я сделала в 3:42 в ту ночь, это не испугалась шагов. Я проверила себя на реальность. По списку, как положено: встала, включила свет, прошла по коридору, потрогала батарею. Горячая. Нашла источник звука: трубы. Подняла руку, пошевелила пальцами, назвала вслух дату, свою фамилию и фамилию министра здравоохранения. Назвала правильно.

После этого села на край кровати, и меня вдруг начало трясти. Не от шагов, а от того, что я сделала. Я проверила себя на психоз. Одна, ночью, в сорок пять лет. Автоматически, не раздумывая, как другие проверяют, выключен ли утюг.

Вот что, наверное, самое трудное в моей жизни. Каждая странность восприятия, каждый шум в ночи, каждое ощущение, что в комнате кто-то был, для меня не «странность», а вопрос: началось ли это у меня тоже? Вероятность наследования шизофрении у ребёнка больного родителя — около десяти процентов. Я знаю это число с тринадцати лет. Оно живёт в моей голове рядом с таблицей умножения.

Повторяю себе: шаги — это воспоминание, а не восприятие. Это то, что мозг делает в тишине: достаёт из запасников самое звучное. Нормально. Известно, описано. Я сама об этом писала.

Но мне приходит в голову одна неприятная мысль, и я её не вычёркиваю. Мать тоже сначала думала, что это воспоминание.

Пушкин, которого я в детстве читала по ночам из-за этой самой бессонницы, написал стихотворение о том, что бывает, когда в городе стихает день, а человек остаётся наедине с тем, что он помнит. Заканчивается оно так:

«И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная, / И горько жалуюсь, и горько слёзы лью, / Но строк печальных не смываю».

Последняя строка важнее остальных. «Не смываю». Я всю жизнь делала ровно обратное: смывала, фильтровала, заменяла протоколом. И только в последние пять недель, когда исчез шум, заметила, что строки остались и без моей помощи. Их, оказывается, никто не стирал. Их просто чем-то заглушали.

ЗАПИСЬ 4. СЕАНС

Зоя Марковна, 11 ноября, 18:00. Четыре недели прошло, как обещано.

Она спросила: «Как вы?» Я ответила, что вес и давление в норме. Она кивнула и сказала: «Я не про это». Подождала. Потом: «Что слышно?»

Я не удержалась, засмеялась. Потому что это именно тот вопрос, который я себе задавала. Сказала: «Тишина». Она не улыбнулась. Спросила: «Хорошо. А что в ней?»

Вот здесь я заметила, что у меня есть выбор. Могла ответить как исследователь: нейробиология подавленного шума, редукция вмешивающихся стимулов. Могла сказать правду. Я сказала что-то среднее. Сказала: «Дом. Старый дом. Я в нём давно не была».

Зоя Марковна ничего не уточнила. Но потом я произнесла слово «мама», впервые за все наши сеансы без пересказа историй: «Мне кажется, в этой тишине слышно маму. Раису. Она ходила по коридору». И в этот момент Зоя Марковна, которая ни разу за три года ни одним движением не нарушила собственной неподвижности, чуть приподняла кончик ручки

над бумагой. Всего на полсекунды. Я бы не заметила, если бы не была профессиональным наблюдателем. Она не записала слово «Раиса». Она не записывает фамилии, у неё метод. Но она записала бы его, если бы оно было ей незнакомо.

Мне надо сделать оговорку. Это не вывод. Это наблюдение на пределе чувствительности, и вероятнее всего я ошибаюсь: в таком состоянии мой мозг склонен находить подтекст там, где его нет. Зое Марковне шестьдесят семь лет, у неё затекает рука. Всё объясняется.

Записываю, не вычёркиваю, но откладываю.

Она не сказала в конце ничего про чувства. Сказала, провожая меня до двери: «Приходите на следующей неделе. И, Елена Андреевна, если шаги станут громче, звоните. В любое время». Я ответила, что вызывать скорую по ночам, чтобы заявить о собственных воспоминаниях, не буду. Она сказала: «Не скорую. Меня».

Это второй раз за месяц, когда меня просят не диагностировать, а просто быть на связи. Оказывается, это неудобно.

ЗАПИСЬ 5. ДРУГИЕ ЛЮДИ

Для полноты.

Ридель. Статья ушла в журнал 23 октября. Я ответила ему на сообщение через неделю, одной фразой: «Пусть будет так, как решил». Он ответил через минуту: «Не так, как решил. Так, как решила ты. Я бы поставил тебя первой. Я хочу, чтобы ты это знала». С тех пор мы общаемся по-деловому, ровно, без уколов. Это ненормально и приятно, и именно потому, что приятно, подозрительно.

Алиса. Десять дней после субботы я не писала. На одиннадцатый от неё пришло одно сообщение, не текст, а фотография. Тёмное окно, на стекле отражение комнаты. Подпись: «Фонарь на улице не горит уже три дня. Они что-то готовят». Я смотрела на фотографию минут пять. Потом ответила: «Вижу». Она не ответила. Но через час прислала одно слово: «Хорошо».

Что обозначает «они», я не знаю. Знаю, что слово «хорошо», сказанное Алисой, означает на языке нас с ней: «ты меня не пытаешься вылечить. Спасибо». Если я правильно читаю, это самая тёплая вещь, которую она написала мне за год. Именно тогда, когда я ничего не сделала.

Заношу в графу «поведение наблюдателя». Вывод: иногда помогает не делать.

ЗАПИСЬ 6. 23:10

Сегодня вечером, около десяти, я подошла к холодильнику. Просто так. Привычка тела, которое двадцать пять лет подходило к холодильнику в это время. Открыла дверцу. Свет ударил в лицо.

Внутри стояло всё, что должно стоять: кефир, яйца, половина курицы, лимон. Я смотрела на это и ничего не хотела. Совсем ничего. Ни хлеба с маслом, ни холодной гречки, ни последнего ломтика сыра. Стояла, держась за дверцу, и слушала, как она тихо гудит мне в ладонь.

И подумала: вот теперь придётся выяснять, зачем я сюда ходила на самом деле.

Закрыла дверцу. В первый раз за двадцать пять лет она закрылась без усилия.

Базовая линия закончена. Вмешательство, строго говоря, только начинается.

Я не знаю, что я с собой сделала. [зачёркнуто. Но я знаю, что сделала это добровольно.]

Глава 6

Отмечено выраженное снижение массы тела.

Изменения внешности не оценивались.

Из отчёта о клиническом исследовании

Всё обман, всё мечта,

всё не то, чем кажется!

Н. В. Гоголь

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 6

Дата / время: 5 декабря, суббота, 08:05.

Вес: 89,6 кг. Минус 8,6 от базовой линии. ИМТ 31,7.

АД / пульс: 120/78, 70 в минуту.

Настроение (0–10): 6. Впервые выше средней.

Доза: 5 мг. С 9 декабря планируется 7,5 мг.

Новый показатель: комментарии посторонних о внешности за неделю: 9.

Последний показатель я добавила, потому что стало невозможно делать вид, что их нет. Раньше такие комментарии случались раз в год: на дне рождения, от тёти, из вежливости. Сейчас их девять за неделю. Я веду счёт, как веду счёт всему, что меня смущает.

Привожу в порядке поступления.

Катя, аспирантка: «Елена Андреевна, вы что-то сделали? Вы какая-то... светлая». Светлая я не была никогда.

Вахтёрша в институте, женщина лет шестидесяти, которая не здоровалась со мной двенадцать лет: «Доброе утро, Елена Андреевна. Вы прямо молодеете». Прежде чем я нашла ответ, она уже вернулась к кроссворду.

Продавщица в магазине, где я за последний месяц купила два пальто, брюки и пять свитеров: «Вам этот цвет очень идёт. Вы знаете, у вас такие скулы». Я не знала. Я двадцать пять лет не знала, что у меня есть скулы.

Незнакомый мужчина лет пятидесяти пяти в метро, интеллигентного вида, с портфелем. Не заговорил. Посмотрел. Секунды три. Потом отвёл глаза, но не сразу, а как человек, который хочет ещё, но воспитание не позволяет.

Остальные не привожу. Тип один: «вы изменились», «вы прекрасно выглядите», «поделитесь секретом». Что мне отвечать на этот последний вопрос, я пока не придумала. «Подкожная инъекция раз в неделю» звучит как признание в чём-то нехорошем, хотя ничего нехорошего в этом нет. Я просто говорю: «Много работаю».

Субъективная оценка: я не знаю, что с этим делать. Это не неприятно. Это нечто третье, чего в шкале от нуля до десяти нет. Как будто в комнате, где я сорок лет сидела спиной к двери, вдруг включили свет, и выяснилось, что дверь была открыта.

ЗАПИСЬ 2. ЗЕРКАЛО

Описываю подробно, потому что описание нужно мне не для науки.

Вчера вечером, после душа, я стояла перед зеркалом в ванной. Не в халате, без одежды, под ярким светом. Я не делала этого лет пятнадцать, если не считать быстрых проверочных взглядов. Не из стыда, а из принципа: если не смотришь, то нет и вопроса.

Тело меняется. Это очевидно. Живот стал меньше, груди меньше, талия появилась там, где я её забыла. Кожа на руках чуть обвисла, я знаю, что это временно или нет, зависит от скорости. Но не это главное.

Главное лицо.

Под подбородком исчезла складка, которую я считала своей структурной особенностью. Скулы выступили, и в них появился угол, которого не было, острый, резкий, графический. Глаза стали больше: просто кожи вокруг меньше. Нос, который я считала «небольшим», оказался длинным и тонким. Линия челюсти вышла из-под мягкого слоя, как берег после отлива.

Я смотрела на это лицо секунд сорок. Помню, что сначала хотела отвернуться, потом наклонилась ближе. А потом почувствовала холод по всему позвоночнику.

Это лицо моей матери.

Не похоже. Именно её. Высокие скулы, длинный нос, острая челюсть, взгляд, в котором что-то одновременно насмешливое и настороженное. Она была такой в тридцать шесть, на единственной фотографии, которая осталась у меня и которую я не вынимаю из ящика. Жировая ткань, оказывается, была ещё и маской. Она скрывала то, что я боялась увидеть.

Есенин в двадцать шесть написал строку, которую в школе учат как элегическую:

«Увяданья золотом охваченный, / Я не буду больше молодым».

Я стояла в сорок пять лет и видела обратное: не увядание, а проявление. Не молодость, а родство. Не «я не буду больше», а «я снова буду». Кем-то, кого мне так старательно не давали стать.

Теперь для протокола. Диссоциативный компонент: выраженный. Я наблюдала собственное тело как тело испытуемой. Не «моё», а «её». Оценивала пропорции, жировую ткань, тургор кожи. Это не страшнее, чем любой клинический осмотр. Но потом, вытираясь, поймала себя на том, что говорю тихо вслух: «Здравствуйте». Не знаю, кому.

Записываю в графу «ощущение принадлежности»: нет. Не ощущаю принадлежности. Это тело мне выдали во временное пользование. Паспорт на него не оформлен.

ЗАПИСЬ 3. ЖУРНАЛ СНОВ

С середины ноября началась ещё одна новая переменная, и я решила её фиксировать отдельно. Раньше я видела сны редко и обычно забывала. Теперь они приходят каждую ночь, с подробностями, цветом, запахами. Видимо, подавление шума освободило другой канал. Литература об этом молчит, но мне нужны данные, поэтому веду журнал снов, как положено.

Сон № 1. Кухня. Клеёнка в красную клетку. На столе чай, малиновое варенье, три печенья. Напротив мать, в синем платье, которого у неё никогда не было. Читает вслух. Я вижу, как шевелятся её губы, но не слышу звука. Совсем. Вокруг обычная тишина, в которой слышно, как за окном падает снег, а голоса нет. Я наклоняюсь вперёд, чтобы услышать, и понимаю, что не умею читать по губам. Просыпаюсь с чувством, что у меня что-то украли. Не у меня, а из меня.

Сон № 2. Я маленькая, девочка, в руках серый блокнот. Открываю первую страницу. Она светится изнутри, как экран. На ней написано что-то мамиными буквами, и я знаю, что мне надо это прочесть. Приглядываюсь и вижу, что буквы не складываются в слова: они русские, но порядок другой, как будто их перемешали. Мать стоит сзади, я чувствую её дыхание у себя на затылке. Она говорит: «Не торопись». Просыпаюсь.

Сон № 3. Записываю последним и дольше, чем остальные, потому что он оказался самым точным.

Та же кухня, но я сижу не на своём месте, а на её. На материнском стуле, спиной к окну. Передо мной книга, и я читаю вслух. Знаю, что читаю хорошо, ровно, с выражением. На другой стороне стола сидит девочка. Ей восемь лет, на ней красная футболка, которой у меня никогда не было. Она слушает, подбородок на сложенных руках, и смотрит на меня серьёзно, изучающе.

Я читаю, и вдруг останавливаюсь. Не потому, что устала. Просто строчки кончились, как кончается воздух. Поднимаю глаза и вижу эту девочку и не знаю, кто она.

Она смотрит на меня очень внимательно. Потом спокойно, вежливо и абсолютно тем самым голосом, которым когда-то спрашивала меня другая женщина, говорит:

— А вы кто?

Я просыпаюсь. 3:40. Красные цифры на будильнике. Под рёбрами холодно и пусто, как бывает после падения во сне.

Девочка в красной футболке — не я. Лица её я не разглядела, но знала, на кого она похожа. Красная футболка была на двухлетнем мальчике под столом, на августовской фотографии.

Но спросила она голосом Алисы.

Не понимаю, кто я во сне: мать или дочь. Это, пожалуй, главная причина, по которой не стану выносить журнал снов в основной протокол: если коллеги прочтут, сделают вывод, и он окажется верным.

ЗАПИСЬ 4. 14:30

Ридель. Мы столкнулись в коридоре у лифта сегодня, в субботу, оба пришли доделывать рецензии. Он увидел меня и остановился. Я не знала, что сказать, и сказала: «Привет».

Он смотрел на меня с тем выражением, которого я не видела лет десять. Не оценивающий, не профессиональный взгляд. Что-то другое, затаённое, похожее на... удивление, перемешанное с тревогой. Потом сказал:

— Ты изменилась.

Все так говорят. Я кивнула. Он добавил, тише, глядя не на меня, а на цифры над лифтом:

— Ты стала похожа на неё.

Я не спросила, на кого. Лифт приехал. Я вошла. Он не вошёл. Двери закрылись.

Ридель видел фотографию Раисы один раз, в первый год нашей семейной жизни, когда я её достала, поставила на стол и сказала: «Вот». Он смотрел минуту и ничего не сказал, и я была ему благодарна за это молчание. Спустя много лет он вспомнил её лицо с точностью, которой мне бы не хватило.

Я спускалась в лифте и смотрела на своё отражение в зеркальной стенке. Свет там плохой, жёлтый. Но я успела разглядеть: да. Он прав. И то, что он первым это произнёс, объясняет мне одну вещь: пока я искала в зеркале незнакомку, всё это время рядом ходил человек, который знал её в лицо.

ЗАПИСЬ 5. 22:40

Для баланса, чтобы не превратить протокол в исповедь. Телефон сегодня: сообщение от Данилы. Не от Алисы, а от него. Привожу:

«Елена Андреевна, здравствуйте! Это Данила. Хотел сказать, как мы рады были вам тогда. Алиска не говорит, но ждёт. Фёдор с поездом не расстанется) Заезжайте, когда сможете! Целуем».

Целуем. Скобка в конце. Заезжайте.

Мой номер, разумеется, знает Алиса, а значит, может знать и он. Всё объясняется. Я прочитала сообщение трижды и не нашла в нём ни одного слова, к которому можно придраться. В нём нет ничего: тёплое, вежливое, заботливое. Вот именно это меня и останавливает. Сообщения такого рода пишут люди, которые много раз прорепетировали, как выглядеть хорошими.

Не ответила. Положила телефон экраном вниз. Сняла с полки серый блокнот и впервые за месяц открыла его. Перелистала до последней записи, мне тогда было четырнадцать. Закрыла. Первую страницу не открывала.

Объяснения, как заметила, заканчиваются у меня быстрее, чем раньше.

Возможно, дело не в том, что я стала хуже объяснять. Возможно, дело в том, что мне стало труднее не видеть. *[оставляю]*

Глава 7

*Случаев изменения азартного поведения
в ходе исследования не зарегистрировано.
Из отчёта о клиническом исследовании
Он имел сильные страсти и огненное воображение,
но твёрдость спасла его от обыкновенных заблуждений молодости.*

А. С. Пушкин, «Пиковая дама»

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 7

Дата / время: 17 декабря, четверг, 03:52.

Вес: 87,8 кг. Минус 10,4 от базовой линии.

АД / пульс: не измерялись.

Настроение (0–10): 3, затем иначе. См. ниже.

Доза: 7,5 мг (с 9 декабря).

Сон за сутки: 2 ч 40 мин. Прерывистый.

Протокол пишу ночью, в кухне, при одной лампе. Если почерк в конце будет другим, пожалуйста, не пытайтесь выяснить причину по почерку. Я сама пока не готова её формулировать.

Начну с вечера, потому что всё началось не ночью.

ЗАПИСЬ 1. 20:10, СРЕДА

Сеанс у Зои Марковны был в шесть, как обычно по средам. Рассказала про зеркало, про лицо, про сны. Про сон № 3, где девочка спрашивает «А вы кто», промолчала. Зоя Марковна ничего не сказала про это, но, как мне показалось, очень внимательно слушала именно то, о чём я не говорила.

Вышла в семь. Шла по улице пешком, почти час, не замечая холода. А дома, едва сняв пальто, позвонила Алисе.

Она просила не звонить. Я помню. Я записала в блокнот: «Не звонить, писать только по необходимости». И всё равно набрала номер, потому что с утра в голове крутилось сообщение Данилы с «целуем» и скобкой, и потому что мне в шестой раз приснилась кухня.

Она взяла трубку на четвёртом гудке. Сказала:

— *Говори.*

Я сказала, что звоню просто так. Спросила, как дела. «Нормально». Как Фёдор? «Нормально». Как она сама? «Нормально». Я слышала, что за её спиной включён телевизор, потом шаги, потом мужской голос, весёлый и тёплый, на расстоянии: «Алиска, это кто там? Мама? Дай трубку, я поздороваюсь!»

— *Не надо, — сказала Алиса. Не мне. Ему.*

И услышала его смех, добродушный. Потом тише: «Ну вот, опять она не хочет с мамой. Вечно вы...» Алиса отодвинула трубку или прикрыла её рукой, но звук остался: интонация, с которой говорят о ребёнке, а не о женщине.

Я спросила, пьёт ли она таблетки. Сама не знаю, зачем. Это вышло само, как колено подскакивает от удара молоточка. Алиса помолчала. Потом сказала очень ровно, без вызова, как сообщают расписание поездов:

— *Ты позвонила не потому, что я тебе нужна. Ты позвонила, потому что страшно тебе. Мне сегодня как раз было нормально.*

— *Алиса...*

— *Я не ненавижу тебя сегодня. Я просто не хочу это слышать. Пока.*

Гудки. Я сидела с трубкой у уха ещё минуты три. Потом осторожно положила её на стол, как кладут что-то ломкое.

Объективно: разговор длился 2 минуты 11 секунд. Субъективно: я выслушала диагноз, поставленный человеком, который проводил осмотр три года. Он был точным. Я не нашла в нём ни одной ошибки.

ЗАПИСЬ 2. 01:30

Не сплю. Пробовала по списку.

Тёплый душ: помогло минут на десять. Ромашковый чай: допила наполовину, остальное выпила как наказание. Лекарства от бессонницы не принимаю: если дело в нервной системе, не хочу накладывать на неё ещё одну переменную. Читала статью про гиппокамп, на третьем абзаце обнаружила, что читаю без смысла, только пальцем по строчкам. Попробовала убрать: протёрла полки, перебрала шкаф с бумагами, перемыла три чашки, которые уже были чистыми.

Дважды подходила к холодильнику. Дважды открывала. Дважды закрывала. Там всё то же: кефир, яйца, лимон. Я не хотела ничего. Но мне нужно было что-то: чтобы заняло место. Привычка рук, которой не хватает предмета.

Лермонтов написал строку, которую я в школе считала подростковой позой:

«И скучно и грустно, и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды».

Я считала это позой, пока не оказалась на собственной кухне в половине второго с чистыми чашками. Теперь вижу: никакая не поза. Точное клиническое описание. Только «скучно» тут поставлено раньше, чем «грустно». Видимо, это не случайно.

ЗАПИСЬ 3. 03:30

Дальше буду писать скупно.

Около трёх часов ночи мне пришла в голову мысль, и я не помню, откуда. Сначала это было просто воспоминание: Катя с горящими глазами, «три и четыре», «экспресс-ставка зашла». Потом воспоминание сложилось в вопрос. Профессиональный. Тот самый, который я себе уже задавала в октябре и отложила, как «заметку на полях».

Вопрос: что именно происходит с системой вознаграждения на препарате? В литературе описывают снижение тяги к алкоголю, к никотину, к перепадающему поведению. Есть пара предварительных работ об азартных играх, но это единичные случаи, мало данных. Если у меня и вправду снижена реактивность этой системы, то при азартном стимуле я должна наблюдать притуплённый ответ. Это проверяемо. Это можно проверить на себе, быстро, без вреда, за одну ночь.

Дизайн, который я составила (он в блокноте, привожу кратко):

Гипотеза H1. На фоне тирзепатида ответ на азартное подкрепление у субъекта снижен.

Выборка. $n = 10$ ставок. Малая, но для пилотного наблюдения достаточная.

Ограничение. Максимум 500 рублей за весь эксперимент. Этот лимит установлен до начала, заранее, записан, и нарушению не подлежит.

Измеряемые показатели. Пульс, субъективная оценка возбуждения (0–10), латентность между исходом и мыслью о следующей ставке.

Я перечитала дизайн дважды и осталась довольна. Он чистый. Его можно было бы показать этическому комитету.

В 03:41 я скачала приложение. Название не привожу: оно для протокола не имеет значения. Регистрация заняла семь минут: паспортные данные, номер телефона, подтверждение по СМС. В 03:48 пополнила счёт на пятьсот рублей. Банк спросил, уверена ли я. Нажала «да».

Я это записываю одним абзацем, потому что в тот момент всё происходило одним движением.

ЗАПИСЬ 4. 04:20

Ночью играет только баскетбол. Американская лига, несколько матчей. Я открыла расписание и поняла, что знаю про это меньше, чем про любую другую область, зато знаю, как

строить модели. Выбрала матч: две команды, у обеих последняя неделя игралась на выезде, одна из них вчера провела игру с овертаймом. Математика усталости. Это я могу посчитать.

В 04:02 я поставила пятьсот рублей на то, что суммарное число очков будет меньше названной линии, на коэффициент 2,4. Пятьсот, весь мой лимит. Перечитала: да, лимит. Я решила, что это будет единственная ставка, а остальные девять сделаю потом.

И вот описание, ради которого всё это писалось.

Первая четверть. Я смотрела не игру, а таблицу в приложении: цифры росли строчка за строчкой. Пульс (измерила на запястье): 94. Сухость во рту. Колени, которые я не заметила, прижаты друг к другу. Вторая четверть: пульс 102. Я поймала себя на том, что наклонилась вперёд, как наклоняются к окну поезда. Третья: 108. Пальцы холодные, ладони влажные, что известно как эффект симпатического возбуждения. Я могла бы прочесть лекцию о том, что именно сейчас в моём теле делает адреналин.

Но главное другое, и я боюсь, что объясню это плохо.

В какой-то момент я перестала слышать тишину.

Полтора месяца я жила в пустом зале с эхом. Шаги в коридоре, красные цифры будильника, холодильник со своей паузой между включениями. А сейчас, в четвёртой четверти, эхо исчезло. Что-то включилось: гул, напряжение, ожидание. Голова была занята целиком, как раньше, до препарата, но не пищей, а этим. Цифрой. Следующей строчкой. Вернулся тот самый шум, которого мне больше всего не хватало, и я, к своему стыду, была ему рада.

Игра закончилась в 04:19. Очков вышло на три меньше линии. Выигрыш. Тысяча двести рублей на счёте.

Я не закричала. Не вскочила. Сидела, глядя на экран, где зелёным было написано «Выигрыш», и чувствовала, как по телу идёт волна тепла: от груди к рукам, к лицу, ко лбу. Точно такая, какая шла когда-то, давным-давно, когда я открывала дверцу холодильника и знала, что за ней есть что-то, что мне разрешено взять.

Я узнала её сразу. Я узнаю её, как узнают голос, не видя человека.

ЗАПИСЬ 5. 05:35

Теперь протокол, как положено. Если я не напишу его сейчас, потом не напишу никогда.

Результат. Гипотеза H1 опровергнута: ответ на азартное подкрепление не снижен. Субъективное возбуждение: 8 из 10. Пульс на пике: 108. Латентность между исходом и мыслью о следующей ставке: меньше минуты.

Ощущение, по моей субъективной оценке, схожее с описанным в литературе как «предвкушение вознаграждения с компонентом облегчения».

Замечание. Единичное наблюдение не доказательство. Выигрыш мог быть случайным. Я это знаю лучше, чем кто бы то ни было. Это азбука: один результат не говорит ничего о вероятности. Его даже не следует учитывать.

Вывод. Для проверки гипотезы необходимо накопить выборку. Девять ставок осталось в плане. Лимит 500 рублей, как заранее установлено. Поскольку 500 уже потрачено, а на счёте 1 200, я использую выигрыш, а не новые деньги. Для чистоты эксперимента.

Прочитала то, что написала. Всё логично. Каждая фраза в отдельности логична.

И всё же одно замечание не уместится ни в одну графу. Рука, которая это пишет, дрожит. Не от холода. Строчки ползут вверх, к краю страницы. Это я замечаю в последнюю очередь, как замечают чужую слабость.

Мне тепло. Впервые за полтора месяца мне по-настоящему тепло. Я сижу на кухне при одной лампе, с блокнотом, и меня, кажется, лихорадит, но не от температуры.

Рисков не выявлено. Наблюдатель = испытуемый.

Я не уверена, что хочу остановиться. *[не вычёркиваю, потому что это правда, потому что я не пытаюсь прятать от себя больше.]*

Следующая запись: сегодня вечером. Нужно собрать выборку.

Глава 8

*Необычные восприятия,
не достигающие уровня галлюцинаций.*

Из диагностического руководства
*Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами.*

Ф. И. Тютчев

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 8

Дата / время: 28 декабря, понедельник, 11:20.

Вес: 85,9 кг. Минус 12,3 от базовой линии.

АД / пульс: 118/76, 68 в минуту.

Настроение (0–10): —

Ставок за неделю: 11. Выигрышных: 6. Баланс: плюс 2 740 руб. (см. примечание)

Примечание: пункт «Ставки» вынесен в отдельную колонку. Объяснения не требуется.

Запись делаю в обеденный перерыв, потому что утром не смогла. Утром у меня была встреча, на которую я не пришла. Это впервые за двадцать два года работы. Причина ниже. Придерживаюсь хронологии: она единственное, что у меня сейчас получается.

ЗАПИСЬ 1. 02:17

Телефон завибрировал на тумбочке в 02:17. Я не спала: смотрела, как идёт ночной матч, ничего не поставив, просто смотрела. Экран высветил: «Алиса».

За последние три месяца Алиса не звонила мне ни разу. Писала. Присылала фотографии. Один раз отправила голосовое сообщение длиной четыре секунды, в котором было только слово «Вижу». Звонок в два часа ночи был событием другого порядка. Я нажала «ответить» и успела подумать одну вещь, чётко, как в протоколе: пусть это будет Данила, пусть что-нибудь с Данилой.

Это была не Данила.

Голос Алисы был шёпотом. Не испуганным, а тщательным, как у человека, который не хочет разбудить кого-то в комнате. Она сказала:

— *Мам. Она стояла в комнате.*

— *Кто, Алиса?*

— *Бабушка.*

Вот эту секунду мне нужно записать точно. Если я не запишу, то потом, по привычке, придумаю более приличный вариант.

Первая мысль, которая у меня появилась: «Началось».

Не «Боже мой». Не «как она?». Не «Фёдор». А именно это слово, четыре слога, которое я носила в себе с семи лет, с той самой лампы в коридоре. Началось. И вместе со словом, как ни стыдно, пришло ощущение, которое я не смогла бы назвать иначе, чем облегчением. Как у человека, который тридцать лет ждал удара и вот наконец услышал, как его бьют. Предсказание сбылось.

Я сказала: «Еду». Назвала время: двадцать пять минут. Спросила, где Данила. «На складе, ночная смена. Вернётся к восьми». Спросила: «Фёдор?» «Спит». «Не гаси свет. Не ходи по комнатам. Я еду».

Положила трубку. Оделась так, как будто собиралась на дежурство: свитер, джинсы, пальто на ходу. Сумка с документами. Блокнот. Зачем блокнот, не знаю, но взяла.

В машине, на третьем светофоре, я повторяла про себя строчку, которую в школе мы выучили без понимания:

«Не дай мне Бог сойти с ума. / Нет, легче посох и сума».

Пушкин молился за себя. Я ехала ночью по пустому шоссе и молилась за дочь, и молитва моя не была обращена ни к кому. Но к четвёртому светофору я заметила, что молюсь и за себя. Что я боюсь не только её диагноза, но и того, что в машине сейчас сижу не в состоянии оценить собственное. В моём возрасте, в возрасте матери в момент первого эпизода, на фоне недосыпа, смены химии мозга, ночных проверок телефона.

На пятом светофоре я открыла приложение. Одну минуту. Не знаю зачем. Матч шёл. Я посмотрела на счёт, закрыла.

ЗАПИСЬ 2. 03:00

Дверь открыла не сразу. Алиса стояла в коридоре, в длинной футболке, босая, с распущенными волосами. Бледная, но не больная. Выглядела так, как выглядит человек, в которого что-то вошло и ещё не ушло.

Я вошла. Закрыла за собой дверь. Алиса посмотрела мне в лицо и сказала:

— *Ты не испугалась.*

— *Я испугалась. Я ехала...*

— *Нет. Ты обрадовалась.*

Я открыла рот, чтобы возразить. Она продолжила спокойно, без обвинения, как описывают погоду:

— *Ты вошла, и у тебя стало спокойное лицо. Как у человека, у которого что-то подтвердилось. Ты обрадовалась, что угадала.*

Я стояла на коврикe в мокрых ботинках, в чужой прихожей, и понимала, что у меня нет ответа. Нет не потому, что я не успела подумать, а потому, что она описала ровно то, что произошло в лице. Я не знаю, как выглядит моё лицо, когда я обрадована, но знаю, как выглядит лицо, когда оно готово к осмотру. И оно было готово.

Я сняла пальто. Прошла в комнату. И, конечно, задала вопросы. Они вышли сами, как у врача в приёмном отделении: когда началось? как долго длилось? было ли что-нибудь слышно? ощущение присутствия или зрительный образ? есть ли чувство угрозы? Алиса отвечала ровно, подробно, как отвечают на экзамене, который сдавали много раз.

Образ был зрительный. Женщина, высокая, стояла у шкафа, на расстоянии трёх-четырёх метров. Не двигалась. Не говорила. Смотрела. Времени прошло, по её ощущению, минуты две. Потом пропала, не исчезла, а «перестала там быть». Угрозы не было.

— *Во что она была одета?*

Вопрос клинический, рутинный: уточнение деталей образа. Она ответила не думая:

— *В синее платье. С длинным рукавом.*

Вот здесь у меня остановилось всё. Не сердце, а какая-то внутренняя пружина, которая держит меня в рабочем состоянии.

Синее платье. В ноябре мне снился сон № 1. Я не рассказывала его никому, ни Зое Марковне, ни Риделю, ни Алисе. Я записала его в журнал снов, и журнал лежит в моём письменном столе. Синее платье, которого у мамы «никогда не было». И вот Алиса, которая никогда не видела бабушку, никогда не видела её фотографий, потому что я не показывала, стоит в своей комнате в три часа ночи и описывает платье.

Я сказала: «Ты уверена, что синее?» Алиса кивнула. «Тёмно-синее. Такое, как... — она искала слово, — как вечернее небо. С белым воротничком».

С белым воротничком. Этого в моём сне не было.

Я не нашла ни одной научной гипотезы, которую могла бы озвучить вслух. Подумала сразу о нескольких: стресс, внушаемость, любое совпадение при ограниченном выборе цветов. Вероятность того, что тёмно-синий окажется случайным: примерно один к шести. Это не чудо, это статистика. А белый воротничок я просто могла придумать в ту же секунду, потому что в моей голове шла лихорадочная работа, не сон, а ассоциации.

Но я не умею себе врать, когда у меня трясутся руки. Руки у меня тряслись.

ЗАПИСЬ 3. 03:35

Дальше случилось то, чего я не планировала.

Алиса сидела на кровати, поджав под себя ноги, спиной к стене. В кроватке в углу спал Фёдор, раскинув руки, как пловец. Единственный источник света: ночник в форме луны, который кто-то когда-то подарил. Я стояла посреди комнаты с блокнотом в руке и задавала очередной вопрос. И вдруг Алиса сказала:

— *Ты меня осматриваешь.*

— *Алиса, я просто...*

— *Ты меня осматриваешь. Ты стоишь и записываешь. Хотя бы раз, один раз, можно просто посидеть рядом?*

Это не было истерикой. Она говорила тихо, чтобы не разбудить Фёдора. И в её голосе я услышала то, чего не было в голосе, который говорил «ненавижу». Там была усталость. И что-то очень похожее на просьбу.

Я посмотрела на блокнот. Положила его на комод. Ручку рядом. Потом сняла ботинки, чего не сделала при входе, и села на пол возле кровати, спиной к ней. Так, чтобы можно было касаться плечом её колена, если захочется. Не касаться, если нет.

Мы молчали. Сколько, не знаю. Я не засекла. Я не помню, когда в последний раз сидела рядом с кем-нибудь и не засекала.

Через какое-то время Алиса заговорила сама. Негромко, в потолок.

— *Она не страшная. Знаешь, что в ней было странного? Она стояла как человек, который не понимает, куда попал. Как будто зашла в чужую квартиру и ждёт, пока ей скажут, что делать.*

— *Она ничего не говорила?*

— *Нет. Она только смотрела. Ей, кажется, было неловко.*

Пауза. Потом она добавила, чуть тише, чем говорила до этого:

— *Она смотрела на меня так, как ты.*

— *Как?*

— *Изучающе. Как будто пытается вспомнить, кто я. И не может.*

Я сидела, не поворачиваясь, и смотрела на стену напротив. На обоях были детские рисунки, прикреплённые скотчем: круги, домик, длинный человек с зонтиком. Не знаю, сколько времени я смотрела. Потом поняла, что у меня по лицу текут слёзы, тихо, без рыданий, как у людей, которые давно не плакали и не знают, как это делается правильно.

Алиса не сказала ни слова. Она протянула руку и коснулась моего плеча кончиками пальцев. Один раз. Я не обернулась, чтобы не спугнуть. Она не отняла руку, пока я не перестала.

— *Ты стала похожа на неё, — сказала она вдруг. — Ты знаешь?*

— *Мне говорили.*

— *Это не страшно. Просто имей в виду.*

Минут через двадцать она уснула, сидя, привалившись к стене. Я осторожно подняла её ноги, подложила подушку, укрыла пледом, и она даже не изменила дыхания. Я села обратно на пол. Решила, что останусь до рассвета.

ЗАПИСЬ 4. 06:10

Телефон завибрировал в кармане джинсов в 06:08. Уведомление: матч завершился, результат, баланс. Я достала телефон, посмотрела на экран. Выигрыш. Двести рублей, ничтожная сумма, поставленная вчера вечером на автомате, за ужином.

Я сидела на полу в комнате спящей дочери и чувствовала знакомую волну тепла. Это самое отвратительное, что мне придётся записать в этом протоколе. Не ставка, не сумма, а то, что в эту секунду, в эту комнату, рядом с этими людьми, моё тело отреагировало на цифру на экране сильнее, чем на всё, что произошло за ночь.

Я перевернула телефон экраном вниз. Положила на пол. Подождала, пока волна уйдёт. Она уходила долго.

Потом проснулся Фёдор. Он не заплакал, просто открыл глаза и стал смотреть в потолок, как смотрят дети, когда ещё не решили, хороший ли сегодня день. Я встала на колени возле кровати. Он повернул голову. Увидел меня. И сказал, ясно, чётко:

— Ба.

Протянул руки. Я взяла его, тёплого, сонного, пахнущего молоком и шерстью. Он уткнулся мне в шею и замолчал. Я стояла посреди комнаты, держа внука, и поняла, как выглядит состояние «не записывать». Ни наблюдателя, ни испытуемого, ни графы. Только вес, тепло и дыхание.

Продолжалось это минут двадцать.

ЗАПИСЬ 5. 11:20

Теперь возвращаюсь к началу записи.

Данила вернулся в 7:50. Вошёл, увидел меня с Фёдором на руках, спящую Алису, мои ботинки у кровати. Улыбнулся. «Елена Андреевна, вы тут? Что-то случилось?» Алиса к тому времени проснулась, села на кровати, посмотрела на него и сказала: «Я попросила маму приехать». Данила кивнул. Сказал: «Конечно, конечно». Но у него едва заметно изменился голос, слегка, на четверть тона, как у человека, который вычисляет, что ему сейчас можно говорить.

Я уехала в восемь двадцать. На совещание, назначенное на девять, не успела: оно было про бюджет лаборатории на следующий год, где я должна была выступать первой. Опоздала на сорок минут. Ридель вёл вместо меня. Он ничего не сказал. Когда я вошла, он посмотрел на меня, на мои глаза, на пальто, и просто сдвинул свою папку, освобождая место рядом. Не знаю, что он увидел. Знаю, что впервые в жизни была ему благодарна за ничего.

Теперь выводы.

Алиса говорит, что я обрадовалась, что угадала. Да. Я обрадовалась. Это не бесчувственность, это структура: я ждала этого тридцать восемь лет, и ожидание не исчезает просто так. Оно требует подтверждения, иначе всё, что я сделала в жизни, теряет смысл. Моя профессия, мои протоколы, мои гипотезы, даже моя боязнь любить: всё держится на этом «рано или поздно». И вот «рано или поздно» наступило, а я к нему оказалась не готова.

И есть второй вывод, который мне записывать не хочется, но я записываю. Синее платье. Я не знаю, что с ним делать. Не знаю, кто из нас двоих, Алиса или я, по-настоящему слышит то, чего нет. Или то, что есть. Возможно, мы обе. Возможно, ни одна. Возможно, платье действительно было, я его когда-то видела и забыла, а во сне вспомнила, и Алиса тоже каким-то образом знает.

Этого я не исследую. Пока.

Третий вывод короче. В 06:08 я переворачивала телефон экраном вниз.

~~Я не должна была брать его в руки.~~ [зачёркнуто. Нет. Я должна была не брать его в руки. Это и есть главная запись этого протокола.]

Глава 9

*Прошлые результаты не гарантируют
будущих.*

Из учебника по анализу данных

Всё, всё, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья —

Бессмертья, может быть, залог!

А. С. Пушкин, «Пир во время чумы»

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 9

Дата / время: 18 января, понедельник, 05:50.

Вес: 83,9 кг. Минус 14,3 от базовой линии.

АД / пульс: 116/74, 66 в минуту.

Настроение (0–10): 8.

Сон за сутки: 4 ч 10 мин. Не утомляет.

Доза: 10 мг (с 6 января).

Ставок за неделю: 34. Внесено на счёт за всё время: 14 000 руб. Баланс: 25 380 руб.

Я счастлива.

Пишу это отдельной строкой, потому что не знаю, как сопоставить это слово с прочими графами протокола. Оно не поддаётся измерению, не имеет шкалы. Но если бы мне пришлось его выразить числом, это было бы 8 из 10, потому что девятку я, как исследователь, никогда не ставлю. Нужен запас на систематическую погрешность.

Ниже опишу модель, её устройство, удачи и недостатки, а потом одну вещь, которая меня пугает. Начну с модели: так проще.

ЗАПИСЬ 1. МОДЕЛЬ

Когда в декабре, после двенадцатой ставки, я поняла, что «интуиция» в этом деле хуже любой таблицы, я сделала то, что делаю всегда: села и построила модель. За три недели, по ночам, из ничего.

Футбол. Не потому, что я его люблю: я не отличаю одну команду от другой. Но у него есть три достоинства: огромное количество данных, малая частота событий (гол случается редко, а значит, его можно описывать как случайный процесс с известным распределением) и фундаментальная предсказуемость. Не сам результат матча, нет, а то, насколько каждая команда способна атаковать и защищаться. Это можно оценить. Я оценивала.

Каждую команду я описываю двумя числами: сила атаки и устойчивость обороны, относительно средней по лиге. Поправка на домашнее поле. Поправка на усталость: число дней с последней игры, число перелётов, длина поездки. Поправка на состав, а это самое сложное, потому что нужно учитывать травмы и дисквалификации, и я читаю для этого новостные ленты на трёх языках. Из этих чисел модель считает вероятность каждого исхода. Дальше я сравниваю с тем, что предлагает приложение. Если моя вероятность выше, чем та, что заложена в коэффициент, значит, где-то образуется «пространство», и можно ставить.

Я проверила модель на данных прошлого сезона, как положено: обучила на первой половине, проверила на второй. Результат превзошёл ожидания: на проверочной выборке доходность составила плюс шесть процентов. В моей области такая цифра называется «очень хорошо» и вызывает немедленные подозрения в переобучении.

Я проверила на переобучение. Трижды. Не нашла.

Мне надо записать одну вещь, которую я заметила только сегодня утром, перечитывая предыдущий абзац. Я знаю, что у любой букмекерской конторы есть встроенная маржа, около пяти-семи процентов, и что для долгосрочной прибыли модель должна превосходить её устойчиво. Я знаю, что подавляющее большинство людей, которые так думают, проигрывают. Я знаю это. Я два года назад писала об этом обзор. И сегодня утром я заметила, что, составляя эту запись, не вспомнила ни разу, что «подавляющее большинство» включает и меня.

Заношу. Не исправляю.

ЗАПИСЬ 2. КОНТРОЛЬНАЯ ГРУППА

Здесь нужно кое-что пояснить.

Любой честный дизайн требует контрольной группы. Если я проверяю модель, мне нужны ставки, которые модель рекомендует, и ставки, которые модель не рекомендует, но которые я всё равно рассматриваю. Сравнение двух выборок покажет, не искажает ли что-то мой выбор.

Я создала таблицу. В ней два столбца. Левый: «сделано», правый: «контроль». В правый я записываю ставки, которые рассматриваю, но не делаю. Виртуально. Для чистоты.

За первые две недели в контрольной группе накопилось 41 запись. Результат: минус 9 процентов. То есть: если бы я ставила на всё, что мне приходило в голову, я бы теряла. Если бы только на то, что рекомендует модель, зарабатывала. Разница статистически значима. Я проверила.

И вот что случилось на третьей неделе. Я заметила, что в таблицу «сделано» попали три ставки, которые изначально были в таблице «контроль». Я их перенесла. Вручную, в субботу вечером, потому что мне показалось, что на них «модель недооценила». Я поправила модель задним числом. Три ставки, из которых выиграла одна.

Контрольная группа загрязнилась. В науке для этого есть термин: contamination. Вмешательство «просачивается» в группу, которая должна быть нетронутой, и тогда результат теряет смысл. Я читала лекции на эту тему.

Переписала таблицу заново. Сделала вид, что ничего не было. Новая контрольная группа начинается с понедельника.

ЗАПИСЬ 3. БИБЛИОГРАФИЯ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Я отдельно выписала то, что мне хорошо известно по литературе. Составила список когнитивных искажений, характерных для азартного поведения, и проверила каждое на себе. Пишу ответы. Для протокола. Чтобы всё было честно.

1. Иллюзия контроля. Вера в то, что ты можешь влиять на случайные исходы. Ко мне не относится: у меня не вера, а модель. Модель считает вероятности, а я принимаю решения на её основе. Контроль здесь настоящий.

2. Ошибка игрока. Убеждение, что после серии проигрышей наступит выигрыш. Ко мне не относится: я не жду везения. Я жду возврата к среднему, и это совсем другое, математически.

3. «Горячая рука». Вера в то, что выигрышная серия продолжится. Ко мне не относится: мои ставки не зависят от предыдущих. Они зависят только от модели.

4. Подтверждающее смещение. Склонность замечать данные, которые подтверждают гипотезу. Частично относится. Но у меня есть контрольная группа.

5. Погоня за проигрышем. Попытки отыграться после потерь. Пока не наблюдалось, потому что серьёзных потерь не было. Если случится, я распознаю.

6. Эффект «почти выигрыша». Когда близкий промах воспринимается как успех и стимулирует продолжать. Не знаю. Не отслеживала. Добавлю в наблюдения.

Перечитала список. Всё правильно. Всё по литературе. Всё честно.

И вот что я замечаю: ни один из пунктов не прошёл через меня так, чтобы вызвать сомнение. Каждое возражение, которое я себе привожу, правильное. Каждое. Они все звучат

разумно. И в этом, наверное, главная странность. В идеале хотя бы одна из шести ловушек должна была меня зацепить. Я знаю, как они выглядят снаружи. Но изнутри они, оказывается, выглядят как здравый смысл.

ЗАПИСЬ 4. ТО, ЧЕГО Я БОЮСЬ

Теперь о главном.

Последние три недели у меня необычное состояние. Я сплю по четыре часа, и мне хватает. Я просыпаюсь без будильника в пять утра, с ощущением, что день уже можно начинать, что столько всего надо сделать. Я закончила рецензию на две статьи, которую откладывала с сентября. Написала черновик нового гранта. Переработала план эксперимента, который казался мёртвым. Катя на днях спросила: «Елена Андреевна, вы сколько кофе пьёте?» Я ответила: «Я пью один кофе». И это правда. Мне не нужно больше.

Мысли идут быстро. Не хаотично, а ровно, одна за другой, как поезда по хорошему расписанию. Я говорю быстрее, чем раньше. Вчера объясняла студентке метод сорок минут, а она записывала, не успевая, и смотрела на меня с изумлением. Мне хорошо. Мне ужасно, ужасно хорошо.

Блок писал:

«О, весна без конца и без краю — / Без конца и без краю мечта!»

Сейчас январь, за окном минус двадцать, а у меня во всём теле весна.

И именно поэтому мне страшно.

Потому что это знакомо. Я перечисляла эти симптомы студентам как диагностические критерии. Сниженная потребность во сне. Повышенная целенаправленная активность. Ускорение мышления. Повышенная разговорчивость. Приподнятое настроение. Чувство лёгкости и «всё получится». Список, который можно прочесть в любом руководстве. Список, который я знаю наизусть.

И список, в который я не имела права вписывать себя. По одной простой причине.

У мамы были «ясные периоды». Мы с отцом называли их «светлыми». Она в такие недели почти не спала, ходила по дому босая, пела, читала вслух по три часа, переставляла мебель, писала письма в журналы. Не маниакальный эпизод в строгом смысле, у шизофрении другие механизмы, но резкий подъём, который, как мне потом объяснили, предшествовал срывам. Она сверкала. Она была самой яркой женщиной из всех, кого я знаю. И каждый раз, когда сверкание достигало какого-то предела, отец смотрел на неё и закрывал глаза, потому что знал, что будет через неделю.

Я не мать. Я это знаю. У меня другая клиническая картина, другая история, другая нейрохимия. Препарат, высокая доза, много кофеина, недосып. Азарт дарит дофаминовые всплески, это объясняет подъём. Всё сходится. Я могу написать три страницы, почему это не повторение.

Но у меня нет внешнего наблюдателя. Тот, кто мог бы меня оценить трезво, это я. А я в этот момент, строго говоря, не лучший свидетель.

Алиса, которая видит больше, чем кто-либо, молчит. Пришло от неё сообщение: фотография Фёдора, спящего с деревянным поездом в руке, и подпись «Он с ним спит». Я ответила на него через девять часов, потому что строила модель. Ответила одним словом: «Прекрасно». Это не ответ, а отметка о получении.

Ридель в пятницу застал меня в лаборатории в семь утра. Остановился в дверях. Спросил: «Ты здесь ночевала?» «Нет, просто рано». «Лена, ты выглядишь...» Он не закончил. Я сказала: «Хорошо?» Он ответил: «Слишком хорошо». И ушёл.

Слишком хорошо. Единственный человек, которому не нужно объяснять симптомы.

ЗАПИСЬ 5. СЕАНС

Среда, 13 января. Зоя Марковна.

Она долго смотрела на меня, потом спросила: «Вы счастливы?» Я подумала секунд пять. Ответила: «Я продуктивна». Она сказала: «Это не одно и то же». Я согласилась. Она добавила: «Вы знаете, что я не про работу». Я сказала: «Знаю».

Она спросила, как я сплю. Я сказала: «Мало, но хватает». Спросила про Алису. Я сказала, что даю ей пространство. Спросила про Фёдора. Я ответила: «Хорошо».

Про ставки не сказала ни слова. Про зеркало и сны: ни слова. Про то, что в последнее время я стала просыпаться не в 3:40, а в 5:00, и что эти полтора часа разницы я заполняю таблицами. Не сказала ничего.

Зоя Марковна не настаивала. Но в конце сеанса, провожая меня, она сказала одну фразу, и я записала её сразу в лифте, на обороте чека:

— *Елена Андреевна, у вас сейчас вид человека, который боится, что праздник закончится.*

Я ответила: «Праздник и должен закончиться». Она кивнула и добавила, очень тихо: «Это я и имею в виду».

ЗАПИСЬ 6. 05:50

Сегодня утром, до начала этой записи, я вышла в кухню в халате и впервые за три недели открыла серый блокнот. Не для записи. Просто положила ладонь на обложку, как кладут на лоб больному. Холодная.

Потом включила компьютер. Открыла таблицу. Сегодня в расписании: итальянская лига, два матча, «моя» команда после поездки в другой город. Модель даёт вероятность 61 процент, приложение предлагает коэффициент, соответствующий 54. Разница в семь процентов. Это «пространство».

Я посмотрела на цифры. Потом на блокнот. Потом снова на цифры.

Счастье, как мне когда-то объяснили, это когда нечего записывать. Я записываю по четыре часа в день.

Мне хорошо. Я боюсь, что мне хорошо.

Я всё контролирую. [зачёркнуто. Но рука сама написала это слово первой.]

Глава 10

Участникам рекомендуется отключить мобильные устройства на время докладов.

Из программы конференции

Чему смеётесь?

Над собою смеётесь!

Н. В. Гоголь, «Ревизор»

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 10

Дата / время: 12 февраля, пятница, 23:40. Санкт-Петербург, гостиница, номер 614.

Вес: 80,4 кг. Минус 17,8 от базовой линии. Круглой цифры не хватило двухсот граммов.

АД / пульс: 114/72, 64 в минуту (утром). Днём не измерялись.

Настроение (0–10): 9.

Сон за сутки: 3 ч 30 мин.

Ставок за сутки: 7. Из них одна крупная. Статус: не завершена.

Пишу в гостинице, на подоконнике, потому что стол завален распечатками. За окном Нева, незамёрзшая полоса посередине, как шов. Внизу по набережной ходят люди с собаками и ничего не знают.

Хочу записать три вещи в том порядке, в котором они происходили: доклад, ставку и то, что, по моему ощущению, я должна была заметить раньше. Последнее пока без номера.

ЗАПИСЬ 1. УТРО

Пока одевалась, звонила Алисе. В 8:15, из гостиничного номера, в халате, с феном в левой руке. Я сказала: «У меня сегодня доклад». Она ответила: «Удачи». Я ответила: «Спасибо». И это «спасибо» вышло у меня настоящим, без привычной скорлупы. Не знаю почему. Наверное, потому что «удачи» от Алисы прозвучало настоящим.

Мы помолчали. Я услышала на фоне детский голос, потом звук чайника. Хотела спросить про таблетки. Уже открыла рот. И тут по часам поняла, что опаздываю на завтрак с оргкомитетом, и просто сказала: «Ну, я побежала». Алиса сказала: «Беги».

Положила трубку и только в лифте сообразила, что не спросила. Впервые за три года не спросила. Хотела вернуться и перезвонить. Лифт ехал вниз.

Платье надела тёмно-серое, которое купила в январе. Не синее. Синее покупать не стала.

ЗАПИСЬ 2. ДОКЛАД

Секция «Нейробиология подкрепления: механизмы адаптации». Мой доклад в 14:20, пятый из семи. Зал на двести мест, заполнен почти полностью, на галёрке стоят. Ридель в третьем ряду, с краю, откинувшись, как всегда, скрестив руки. Полина рядом, с блокнотом.

Я не буду описывать содержание, оно в статье. Скажу только, что тема доклада: «Динамика переключения на альтернативный источник подкрепления при хронической нагрузке». Если коротко: когда животное лишают доступа к основному источнику награды, потребность не исчезает. Она перераспределяется. Мы блокируем один путь, а система находит другой. Иногда более рискованный. Иногда более разрушительный. Иногда просто ближайший.

Я говорила сорок минут. Ни разу не посмотрела в слайды. Впервые в жизни у меня не было ощущения, что я «докладываю», я просто думала вслух, и слова приходили в нужном порядке, как будто кто-то заранее расставил их по местам. Помню, что ловила взглядом лица и видела в них то, чего никогда не видела раньше: не вежливый интерес, а голод. Люди подались вперёд.

На слайде 23, где показан график переключения, я сказала фразу, которой в моём тексте не было. Не планировала. Она пришла сама:

— *Блокирование одного канала не уменьшает потребность. Оно её перенаправляет. И тот, кто думает, что потребность исчезла, просто ещё не нашёл, куда она ушла.*

Зал замер. Я слышала, как кто-то перестал писать. И во мне, в самой глубине, за спокойным голосом, что-то коротко и холодно дёрнулось, как нерв при ударе. Я продолжила. Это был лучший момент доклада.

Вопросы. Первый: коллега из Новосибирска, про методику. Второй: аспирант, про выборку. Третий задал человек из последнего ряда, лет семидесяти, седой, в старомодном пиджаке. Встал и сказал негромко, но слышно всем:

— *Елена Андреевна, спасибо, очень красиво. А скажите, вы не думаете, что в вашей модели есть риск для людей, получающих препараты нового класса, которые, по сути, блокируют один из основных каналов? Речь о тех, что для снижения веса.*

Я ответила за три секунды, без паузы, гладко: на данных современных обзоров нет оснований для опасений, эффект на систему вознаграждения носит скорее модулирующий, чем блокирующий характер, а наша модель описывает хроническую депривацию, а не фармакологическое снижение аппетита. Каждое слово было правдой. Каждое слово было из моих собственных статей.

Старик кивнул. Сказал: «Благодарю». И сел. Я заметила, что он смотрит не на слайд, а на меня, на моё лицо, и не отводит глаза. Я не знаю, что он увидел.

Аплодисменты были долгими. Больше, чем положено в конце доклада. Кто-то встал, потом ещё несколько человек. Я стояла у кафедры, и мне хотелось, чтобы это не кончалось, и одновременно хотелось исчезнуть. Мне вспомнилась строка из «Ревизора», которую в школе мы разбирали как смешную:

«Чему смеётесь? Над собою смеётесь!»

Только смеялись они не над собой. Они аплодировали. А я стояла на сцене и понимала, что только что прочла перед двумястами людьми лекцию о собственной болезни, и ни один из них этого не заметил. Кроме, быть может, седого старика в последнем ряду.

ЗАПИСЬ 3. ЗАЛ

Мне нужно записать то, что произошло в 16:42, и записать без смягчений.

После доклада была кофе-пауза, потом следующая сессия. Я села в пятом ряду, с краю, у прохода. Выступал кто-то из Казани про электрофизиологию гиппокампа. Я не слушала. Я не слушала никого с 15:10. С того момента, когда телефон в сумке два раза мягко завибрировал, и я знала, не заглядывая, что это.

Это был сигнал: моя собственная модель выдала рекомендацию.

Теннис. Турнир в Европе, закрытый корт, второй сет. Игрок, которого мои данные оценивают как фаворита, проиграл первый сет, но показатели подачи говорят, что это случайность. Приложение предлагает на него коэффициент, при котором, по моей оценке, «пространство» составляет почти одиннадцать процентов. Одиннадцать. В моей истории такого не было.

Я положила телефон на колено, под программку конференции. Сверху лежал бейдж с моей фамилией и надписью «Докладчик». Подняла глаза: на экране шли слайды про гиппокамп. Рядом сидела женщина с ноутбуком и печатала.

Я знала, что мне не нужно этого делать. Я знала всё, что нужно было знать. Модель, контроль, лимит, который я сама когда-то установила, а потом, по мере роста банка, пересмотрела. Пятьсот рублей в декабре, две тысячи в январе. Двадцать два года работы.

В 16:42 я поставила тридцать тысяч рублей.

Больше половины моего банка. Расчёт по критерию Келли давал даже больше, но я «ввела консервативную поправку». Ставка: живая, на то, что игрок выиграет матч. Коэффициент 2,6. Я нажала кнопку, и на экране появилось: «Ставка принята».

Всё это заняло девять секунд.

Пульс (измерила на запястье, под столом): 112. Ладони холодные. Во рту сухо. Но самое главное: в зале, где только что аплодировали, где в руках у меня был бейдж докладчика, где в двух рядах от меня сидел Ридель с блокнотом, я перестала слышать зал. Совершенно. Докладчик из Казани открывал рот, слайды менялись, кто-то кашлял, но всё это было далеко, за стеклом. Передо мной была только цифра на экране.

Это не было приятно. Это было нужно, как воздух нужен. Как нужно было когда-то открыть холодильник, чтобы потом выдохнуть.

Тютчев писал:

«Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется».

Он имел в виду слово. Я думаю сейчас про ставку. Я не могла предугадать, как она отзовется, и в том, что я этого не знала, было всё, чего я хотела.

В конце сессии игрок выиграл второй сет. Третий шёл до сих пор, когда нас позвали на ужин.

ПРИЛОЖЕНИЕ. НЕ ИЗ ПРОТОКОЛА

Следующая запись не принадлежит этому протоколу. Она вставлена позже, из другого источника. Я прочла её много недель спустя и решила, что она должна стоять здесь, на своём месте во времени. Почерк другой: мелкий, ровный, без наклона.

12 февраля. Пятница.

19:38. Д. вернулся с работы на 25 минут раньше. Я не слышала лифт, потому что варила кашу. Это моя ошибка, записываю.

19:41. Начало. Причина: чашки стоят на полке ручками внутрь. Д. сказал, что ручками наружу, и что я это делаю назло. Я не делала назло. Я просто не помню, как они стояли.

Громкость по моей шкале: от 3 до 7. Пик в 19:46. Слов не записываю, они не важны. Важно: он прошёл мимо плиты, и каша ещё не пригорела. Я успела выключить.

19:44. Ф. ушёл за диван. Сам. Он знает, как. Сел на пол, колени к груди, смотрит на дверь. Не плакал. Я не пошла к нему. Если пойду, Д. переключится на него. Это моё решение. Записываю, чтобы потом не говорить, что не знала, что делаю.

19:55. Конец. Всего 14 минут. Левое запястье, повторно. Не буду описывать, я уже описывала.

20:10. Д. принёс чай. Сел рядом. Сказал, что очень меня любит, что он ради нас, что у него тяжёлая смена, и что я же понимаю, у меня бывает, я накручиваю. Я сказала «да». Надо говорить «да», это короче.

20:30. Ф. вышел из-за дивана только когда Д. ушёл в душ. Я дала ему поезд. Он взял и не отпускает.

Для проверки (потом): мама звонила утром, в 8:15. Сказала: у меня доклад. Я сказала: удачи. Она сказала: спасибо. Слово было настоящее. Записываю, что настоящее.

Она не спросила про таблетки. Первый раз. Странно, что мне от этого не легче.

Данила говорит, что я ничего не помню. Поэтому я пишу.

Конец вставки.

ЗАПИСЬ 4. УЖИН

Ужин в 19:30, ресторан при гостинице, длинный стол на двадцать человек. Меня посадили между организатором и профессором из Томска. Ридель напротив, по диагонали.

Все говорили о докладе. Профессор из Томска сказал, что это «лучший доклад дня». Организатор попросил разрешения процитировать мою фразу про «блокирование канала» в итоговом резюме. Катя прислала из Москвы сообщение: «Видела запись трансляции. Вы были великолепны». Полина, сидевшая рядом с Риделем, подняла бокал и сказала что-то хорошее, и я кивнула. И почувствовала при этом не торжество, а абсолютную, безжалостную пустоту, как у человека, который стоит на сцене и понимает, что зал пуст.

Под столом, на колене, лежал телефон. Каждую минуту, примерно, я опускала глаза и смотрела. Третий сет. Счёт 4:4. Потом 5:4 в мою пользу. Потом 5:5. Я пила воду, слушала профессора из Томска, кивала, и пульс, я снова проверила под скатертью, держался на ста десяти.

Ридель не сказал мне ни слова за весь ужин. Только раз, когда принесли десерт, наклонился ко мне через стол и произнёс тихо, чтобы слышала только я:

— *Ты их заморозила, Лена. Ты сама себя — нет.*

Он выпрямился и вернулся к разговору с соседом. Я сидела с вилок в руке и смотрела на торт, на который не собиралась даже взглянуть.

Потом он добавил ещё одну фразу, но уже не мне, а в воздух, как будто для всех, вежливо, с лёгкой улыбкой:

— *А вот про блокировку канала это было очень точно. Прямо про кого-то из нас.*

Все засмеялись. Я засмеялась тоже.

ЗАПИСЬ 5. 23:40

Пишу, а на экране телефона, лежащего рядом на подоконнике, идёт десятый гейм третьего сета. Звук выключен. Я смотрю на него боковым зрением, как смотрят на человека, который стоит у двери и ждёт, когда его заметят.

Я не знаю, чем закончится матч. Это единственная правда про этот вечер, которую я могу записать без искажений. Всё остальное: доклад, аплодисменты, зал, Ридель, Алиса, Фёдор, тетрадь, которой я тогда ещё не видела, сейчас где-то очень далеко.

Минус 17,8 килограмма. Минус тридцать тысяч рублей в игре. Плюс один оглушительный успех.

Я должна была заметить что-то раньше. Не знаю что. Не знаю когда. Знаю только, что единственное, о чём я думала сегодня вечером, не имело отношения к людям, находившимся в зале, ни к Алисе, ни к Фёдору. Ни разу за вечер я не вспомнила, что утром не спросила Алису про таблетки.

Рисков не выявлено. Наблюдатель = испытуемый.

~~Я перестала выявлять риски.~~ *[зачёркнуто. Нет. Я перестала их замечать. Это разные вещи.]*

Счёт 5:5. Игра продолжается.

Глава 11

*Выбросы допускается исключать из выборки
при наличии объективных оснований.*

Из руководства по анализу данных

*Две неподвижные идеи не могут вместе существовать
в нравственной природе, так же, как два тела не могут
в физическом мире занимать одно и то же место.*

А. С. Пушкин, «Пиковая дама»

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 11

Дата / время: 17 февраля, среда, 04:10.

Вес: 79,6 кг. Минус 18,6 от базовой линии.

АД / пульс: 110/70, 88 в минуту. Пульс повышен. Причина не выяснялась.

Настроение (0–10): не оценивалось.

Сон за сутки: 1 ч 50 мин.

Внесено на счёт за всё время: 254 000 руб.

Баланс: 4 380 руб.

Чистый результат с декабря: минус 249 620 руб.

Все цифры в шапке верны. Я перепроверила их три раза, тремя способами: по выписке, по таблице и по памяти. Они совпали. Поэтому и начинаю с них. Когда нечего больше предъявить, предъявляешь цифры.

Дальше хронология. Я пишу её с пятницы, потому что с пятницы всё и пошло по-другому. Это не «пошло неправильно». Это важное различие, и я к нему вернусь.

ЗАПИСЬ 1. 13 ФЕВРАЛЯ, 00:50

Матч закончился в 00:47.

Третий сет, как я и записывала. Счёт 5:3 в пользу моего игрока. Его подача на матч. Я сидела на краю гостиничной кровати, подтянув колени, и смотрела на экран телефона так, как в детстве смотрела на дверь комнаты, когда мать за ней затихала. Он вёл. Он должен был выиграть. По всем моим данным он выигрывал. До победы оставалось два очка.

Дальше он проиграл четыре гейма подряд.

Я не буду описывать, как. Описывать нечего: ошибки на приёме, одна подача в сетку, одна неудачная попытка укоротить. Сухая статистика. Сет ушёл в тай-брейк, и в тай-брейке он тоже проиграл. Семь — девять. Жёлтый шарик упал на линию, и судья объявил «аут», и я, как ни странно, видела это не на экране, а где-то в воздухе над собой, как в замедленной съёмке.

Тридцать тысяч рублей.

Теперь нужно записать то, что я не могла бы пережить, если бы не умела это называть. В литературе это называется «эффект почти выигрыша» (near miss), и описан он в 1986 году. Эффект состоит в том, что близкий промах активизирует те же области мозга, что и выигрыш, даже сильнее, и побуждает продолжать. Я знаю этот механизм. Я читала про него лекции. Я знаю, что в ту минуту, когда внутри всё сжимается и кричит «ещё чуть-чуть, ещё одно очко», на самом деле мозг пытается меня обмануть, и обман этот хорошо изучен.

Знание не помогает. Если кому-нибудь потом понадобится сформулировать это одной фразой, то вот она: знание не помогает.

Я не заплакала. Ни слезы. Я сидела, держа телефон, и в голове почему-то звучала строка, которую в школе мы учили как образец печальной изысканности:

«Не жалею, не зову, не плачу».

Не жалею. Не зову. Не плачу. Только вот у Есенина это было прощание, а у меня это было состояние человека, которому отрезали возможность жалеть. Ни одного чувства. Только сухая точная мысль: надо вернуть.

Откуда она взялась, не знаю. Но она появилась с такой чёткостью, будто была давно написана, лежала в ящике и ждала. «Надо вернуть».

ЗАПИСЬ 2. 13 ФЕВРАЛЯ, 03:20

Не спала. На счёте оставалось 31 200. Я сделала то, что делает любой разумный человек в такой ситуации, то есть начала рассуждать.

Первое: проигрыш статистически ожидаем. При вероятности 61 процент, на которую рассчитывала модель, в 39 случаях из 100 я проигрываю. Это не катастрофа, это закон. Второе: эта ставка была большой, а значит, дисперсия большая. Это тоже закон. Третье: возврат к среднему. Если я продолжу делать ставки по модели, мой результат придёт к ожидаемому. Это не вера, это математика.

Четвёртое, которое я пишу не потому, что оно логично, а потому, что оно появилось: нужно вернуть.

Я сделала шесть ставок за два часа. Три на теннис, две на баскетбол, одну на футбол. Каждая по моей модели. Каждая с коэффициентом выше ожидаемого. Размер я уменьшила, «по Келли», хотя Келли в том виде, как я его использовала, предполагает, что знаешь вероятности точно, а я их не знаю.

К пяти утра счёт: 9 100. То есть минус 22 100 за ночь. Из шести ставок выиграла одна.

Рассуждения, которые приходили в этот момент (привожу точно, как записала в блокноте, потому что почерк в этот момент был уже другой, острый и мелкий):

«Серия проигрышей из пяти из шести при вероятности выигрыша 55% бывает в 4% случаев. Мне просто не повезло. Это нормально. Следующая серия должна быть лучше».

Я перечитала эту запись утром и ничего не нашла в ней, кроме грамматических неточностей. Математика верна. Вероятность действительно 4 процента. Я только не записала главного: что это называется «ошибка игрока». Я не записала это, потому что в ту ночь я не знала, что делаю ошибку. Я знала, что считаю.

Напоминаю себе и тому, кто когда-нибудь будет читать: в январе я составила список из шести когнитивных искажений и против каждого написала, почему оно ко мне не относится. Против пятого стояло: «Погоня за проигрышем. Пока не наблюдалось, потому что серьёзных потерь не было. Если случится, я распознаю».

Я не распознала. Я его выполнила.

ЗАПИСЬ 3. 13 ФЕВРАЛЯ, 09:10

Завтрак. Ридель сидел в одиночестве у окна, с кофе и свежим номером газеты. Увидел меня, помахал рукой. Я подошла, и он, прежде чем я успела сесть, сказал:

— *Ты не спала.*

— *Рецензии, — ответила я.*

Он посмотрел на меня секунды четыре. Я знаю, как выглядит моё лицо после бессонной ночи: серое, с провалившимися глазами, с тенью под скулами, которых у меня раньше не было. Я не взглянула в зеркало. Не нужно было.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Я положила его так инстинктивно. Ридель перевёл взгляд на телефон, потом на меня. Открыл рот. Сказал: «Лена». Я ответила: «Что?» Он помолчал и сказал: «Ничего. Ешь».

Я не ела. Я сидела с чашкой чая и слушала, как он рассказывает про вчерашнюю дискуссию, и одним ухом улавливала смысл, другим считала. Счёт был девять тысяч сто, минус сколько-то. Я хотела снова выйти из реальности и попасть в то место, где есть только цифра.

Он ничего не сказал про доклад. Обычно после выступления он разбирал его по косточкам, с точными формулировками, с лёгкой издёвкой, которую я когда-то воспринимала как

форму любви. Сегодня не разбирал. Молча допил кофе, положил на стол деньги и сказал: «Я на вокзал». Задержался на секунду.

«Не делай глупостей, Лена».

Это была единственная фраза за всё утро, которую я запомнила дословно. Он произнёс её без нажима, без обвинения. Так говорят то, что давно хотели сказать, но не решались, и теперь сказали, не зная, поможет ли.

ЗАПИСЬ 4. 14–16 ФЕВРАЛЯ

Сжимаю три дня в одну запись, потому что они выглядели одинаково.

Вернулась в Москву в субботу вечером. В поезде поставила ещё тридцать тысяч: часть вернула, часть нет. Вышло почти в ноль. Я назвала это «стабилизацией». Дома не раздевалась до полуночи, сидела в пальто за компьютером, обновляя таблицу.

В воскресенье утром впервые перевела деньги с накопительного счёта. Сто тысяч. Банк спросил: «Вы уверены?» Я нажала «да». Банк прислал код. Четыре цифры, которые я знала наизусть, как номер квартиры. Я мысленно оправдывалась: «Это не новые деньги. Это те же, просто в другом месте. Временно».

В понедельник ещё сто. Во вторник сорок. Каждый раз сумма меньше, но потребность острее. Накопительный счёт, который я открывала шесть лет назад для «подушки безопасности», опустел почти наполовину. Я смотрела на цифры в банковском приложении и чувствовала не страх, а странное отстранение, как будто разглядываю чужую выписку.

Пульс в эти дни: 88–96. Давление: 110/70, как у человека, который собирается бежать, но никак не побежит. Вес падает: 79,6 к утру среды. Еда мне не нужна, но дело не только в препарате: я просто забываю. Вспоминаю об обеде в шесть вечера, когда голова начинает кружиться, и тогда ем два сухих печенья и выпиваю воду.

От Алисы за эти восемь дней не пришло ни одного сообщения. Я обнаружила это только сегодня ночью, когда пролистывала телефон. Её последнее сообщение датировано 9 февраля: «Фёдор сказал новое слово. Не скажу какое. Приезжай — услышишь». Я не ответила. Я собиралась ответить на следующий день.

Это было восемь дней назад.

ЗАПИСЬ 5. 17 ФЕВРАЛЯ, 02:30. ВЫБРОС

Сегодня ночью я села за стол в положение, которое когда-то называла «рабочим»: прямая спина, блокнот, ручка. Сказала себе: «Давай честно. Разбери данные».

Разбираю.

Динамика банка с декабря: рост, рост, рост, небольшая просадка, снова рост. До 12 февраля. После 12 февраля: падение с 61 тысячи до 4. Резкое. Не вписывается в общую кривую.

В анализе данных есть понятие «выброс»: точка, которая не лежит на общей закономерности, и её допускается исключать, если есть основания считать, что она получена в результате ошибки измерения или нетипичных условий.

Нетипичные условия. Конференция, стресс, недосып, эмоциональный подъём после доклада. Я не была в рабочем состоянии. Основания есть.

Если исключить эти пять дней, остальная кривая выглядит хорошо. Доходность модели на выборке с декабря по 11 февраля: плюс 18 процентов. Модель работает.

Закончила писать, перечитала. Всё грамотно, логично. Пишу внизу страницы: «Выброс. Исключить из анализа».

И в этот момент заметила, что рука, которой я вывела слово «исключить», не моя. Не в том смысле, что кто-то другой водит. А в том смысле, что я эту руку не узнаю. Она слишком уверенная для человека, который в эту ночь потерял двести пятьдесят тысяч рублей и неделю сна.

Я положила ручку. Подняла голову и увидела в чёрном окне отражение женщины с острыми скулами и очень светлыми, внимательными глазами. Не моими. Или моими, но такими,

какими я их никогда не видела. Это были глаза человека, который всё понимает и делает всё равно.

Это были мамины глаза в те ночи, когда она не могла остановиться, хотя знала.

ЗАПИСЬ 6. СЕАНС, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Среда, 17 февраля, 18:00. Сеанс у Зои Марковны. Он не состоялся. Утром я написала ей: «Срочная работа, не смогу. Простите». Она ответила через минуту:

«Хорошо. Я буду в обычное время в следующую среду. И сегодня тоже буду на месте, на случай, если вы передумаете. Не нужно ничего объяснять».

Я прочитала сообщение. Положила телефон. Потом взяла его снова и прочитала ещё раз. «Не нужно ничего объяснять». Мне показалось, что она сказала что-то большее, чем написала. И я не нашла, что на это ответить.

В шесть вечера я сидела дома, в той самой позе рабочего человека, и смотрела на экран. Играла вторая лига футбола в какой-то стране, название которой я не запомнила. Я поставила двенадцать тысяч. И в этот момент, в восемнадцать ноль-ноль, я представила её кабинет: торшер, её сухие руки на коленях, пустое кресло напротив. Кресло, которое было моим.

Я не поехала.

Это не было решением. Это было как отвести взгляд от того, на что смотреть невозможно.

ЗАПИСЬ 7. 04:10

Утро. Сейчас четыре. На счёте 4 380. Катя спрашивала, вернула ли я правки по рукописи. Через три дня совещание по бюджету лаборатории, на котором я должна выступать.

Хочу записать один факт, который не умещается ни в таблицу, ни в выброс, ни в модель. В воскресенье вечером, когда я в первый раз переводила деньги с накопительного счёта, я стояла у окна с телефоном, и внизу, во дворе, шла девочка лет восьми. В красной куртке. Она остановилась у лужи, присела на корточки и стала смотреть в воду, не двигаясь. Я наблюдала за ней минут пять. Потом ей закричали: «Маша, домой!», она вскочила и побежала.

И я подумала: вот что значит «быть там, где ты есть». Присесть у лужи и смотреть. А я стою в окне с телефоном, и между нами шесть этажей и целая жизнь.

Потом нажала «подтвердить перевод».

Выброс исключён. Остальные данные в пределах нормы.

Мне стыдно. [не вычёркиваю. Но не хочу, чтобы это читали.]

Следующая запись: после выходных. Когда баланс вернётся к среднему.

Глава 12

*Средства гранта расходуются исключительно
на цели, указанные в заявке.*

Из положения о грантах

Тварь ли я дрожащая

или право имею?

Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 12

Дата / время: 4 марта, четверг, 23:15.

Вес: 78,7 кг. Минус 19,5 от базовой линии.

АД / пульс: 112/72, 90 в минуту.

Настроение (0–10): —

Источники пополнения счёта за период: накопительный счёт (исчерпан), кредитная карта (лимит исчерпан), потребительский заём 300 000 руб. под 24% (получен 26 февраля, потрачен до 1 марта), «другое».

Примечание к графе «другое»: временно. Подлежит возврату до 30 апреля.

Эта запись самая трудная из всех. Не потому что в ней что-то неожиданное. Наоборот. Я пишу её так, как пишут хроники катастроф: всё уже произошло, и теперь надо расставить события по порядку и найти место, где можно было остановиться.

Такого места не нашлось. Я искала три ночи.

ЗАПИСЬ 1. ДЕНЬГИ

Сначала о личных. Это короткий рассказ.

К 24 февраля на накопительном счёте осталось шестьдесят одна тысяча из почти девяностот. Кредитная карта, которая у меня была «на случай», уже стояла на нуле. 26 февраля я подала заявку на потребительский заём. Банк одобрил за одиннадцать минут. Сумма: триста тысяч. Ставка двадцать четыре процента. Ни один вопрос о цели кредита задан не был. Я написала «ремонт».

Ремонт моей квартиры закончился в 2019 году.

К 1 марта триста тысяч ушли. Я не буду описывать как. Это не скрытность, а просто нечего описывать: ставки, ставки, ставки, разные суммы, разные виды спорта, одно общее чувство, которое я бы описала как «толкаюсь плечом в закрытую дверь, и мне кажется, что она вот-вот поддастся».

Итого с декабря: внесено на счёт 554 000, выведено на карту 11 000. Всё остальное осталось там, где остаются такие деньги: у букмекера.

К утру 2 марта у меня не осталось ни рубля, который я могла бы назвать своим и потратить без последствий.

ЗАПИСЬ 2. ГРАНТ

Теперь о том, ради чего нужна эта запись.

Я руководитель гранта. Три года, четырнадцать миллионов восемьсот тысяч рублей, из них на этот год приходится около пяти. Деньги поступают траншами на специальный счёт при институте. Расходятся на оборудование, реактивы, оплату труда сотрудников, командировки. Ими распоряжаюсь я, но формально проводит бухгалтерия, и над каждой операцией стоят три подписи. Система, придуманная людьми, которые не доверяют руководителям.

Я эту систему знаю двадцать лет. Знаю, как она устроена, где в ней сроки и формальные «окна». Я никогда не пользовалась этим знанием. Не из принципа: просто не думала.

Ниже я воспроизвожу то, как всё происходило, в виде шагов. Не оправдываюсь. Мне нужно, чтобы читатель увидел, что каждый шаг был отделён от предыдущего расстоянием, которое можно перешагнуть, не заметив.

Шаг 1. Запланированная закупка реактивов в первом квартале. Я переносу её на второй. Законно: решение руководителя, обычная практика, когда поставщик задерживает поставку. Мотив в тот момент: «чтобы не тратить из-за спешки». Освободившаяся сумма лежит на счёте. Это не моя сумма и не мои действия с ней. Это просто факт: она там лежит.

Шаг 2. Я задерживаю на две недели доплату сотрудникам к стипендиям. Формулировка в служебной записке: «по техническим причинам». Тоже допустимо. Никто не пострадает: две недели. Освободившаяся сумма небольшая. Мотив: «мне нужно закрыть краткосрочную потребность, а потом всё вернётся».

Шаг 3. Первое «заимствование». Небольшая сумма, возвращённая через восемь дней. Вернула я её не из выигрыша, это было бы красивее, а из потребительского займа: взяла в долг у банка, чтобы вернуть в грант. Записала тогда как «подушку на время»: всё чисто, никто никому ничего не должен.

Шаг 4. Второе заимствование. Больше. Вернуть удалось через десять дней, но уже не полностью, а частично, остаток «в следующий раз». Мотив: «модель даёт плюс, и я верну с запасом».

Шаг 5. Третье. Сумму и способ указывать не стану. Скажу только, что здесь мне пришлось сделать то, чего я никогда раньше не делала: составить документ, который отражает реальность не совсем так, как она есть. Не подделку, ничего грубого. Формулировку, допускающую два прочтения, ни в одном из которых нет слова «неправда».

Шаг 6. Сегодня. Сумма, находящаяся вне своего назначения, составляет 1 340 000 рублей. Срок отчётности перед фондом: 30 апреля. До этого времени, по моему расчёту, я должна вернуть всё.

Теперь вопрос, ради которого я всё это пишу.

На каком из шести шагов я перестала занимать и начала красть?

Три ночи подряд я пыталась определить границу. Я бросала шаги на стол, как карты, пересчитывала, раскладывала в разном порядке. Первый шаг очевидно нормален. Второй сомнителен, но защитим. Третий, четвёртый находятся в серой зоне, где слово «заимствование» уже режет слух, но ещё не обжигает. Пятый уже пахнет. Шестой, как ни крути, называется своим именем.

И всё-таки между любыми двумя соседними шагами я не нашла границы. Каждый был логичным продолжением предыдущего. Каждый отстоял от него ровно на ширину ладони. Если взять любую пару, я смогу объяснить, почему второй шаг допустим, раз допустим первый. А если смотреть на цепочку целиком, получается преступление.

В науке это называется парадоксом кучи. Одно зерно не куча. Два зерна не куча. И так до тех пор, пока перед тобой не окажется куча, а ты не сможешь указать, на каком зерне она началась.

Достоевский в «Преступлении и наказании» формулирует вопрос своего героя: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Я читала это в школе и восхищалась тем, как Раскольников всё доказывает, пока не понимает, что доказывать нечего. Для него граница была одна, и он её перешагнул. Для меня их было шесть, и ни одну я не заметила.

ЗАПИСЬ 3. КАТЯ

Вторник, 2 марта, около полудня.

Катя зашла в мой кабинет. Постучала, как всегда, одним пальцем. Села на стул у стола и сказала, с лёгким смущением, как говорят люди, которым неловко спрашивать:

— Елена Андреевна, простите, пожалуйста. Мне Тамара Ильинична сказала, что вопрос про доплату надо к вам. Она в феврале не пришла.

Доплата к стипендии. Тринадцать тысяч рублей в месяц. Для аспирантки это не доплата, а разница между «сводить концы с концами» и «не сводить».

Я знала про эту доплату. Я записала её в шаг 2.

— *Технический сбой*, — сказала я. — *Мы с бухгалтерией разбираемся. Выплатим вместе с мартовской. Я извиняюсь за неудобство.*

Катя кивнула. Сказала: «Ничего страшного». Сказала: «У меня есть, не волнуйтесь». И улыбнулась, и это была та улыбка, которой улыбаются люди, когда деньги совсем кончились, но стыдно признаться.

Она ушла. Я осталась сидеть и смотреть на закрытую дверь.

Должна записать, что я почувствовала. Вина пришла, но не в полную силу, а как далёкий звон. Чуть позже пришла другая мысль, которая оказалась страшнее вины: «Я исправлю до следующего платежа. Она не пострадает, потому что я успею».

Вот так это работает. Вина не останавливает. Она превращается в срочность. Каждая вина, в которую я упираюсь, перепаковывается в «надо успеть». И чем больше вины, тем больше надо успеть. А успеть можно одним способом.

ЗАПИСЬ 4. ТАМАРА ИЛЬНИЧНА

Среда, 3 марта. Бухгалтерия, второй этаж, кабинет без окна.

Тамаре Ильичне шестьдесят один. Она работает в институте тридцать четыре года. Знает, когда у кого день рождения, у кого болеют дети, кто с кем в ссоре. Знает и многое другое. Она вызвала меня в кабинет. Закрыла дверь. Сказала, не поднимая глаз от бумаг:

— *Елена Андреевна, у меня странное расхождение в сводной по вашему гранту. Я уверена, что оно технического характера. Но мне нужно, чтобы вы посмотрели.*

Она положила передо мной лист. Колонки, цифры. Одна из строк была подчёркнута карандашом.

Я смотрела на неё секунд пять. Подчёркнута была не та строка, которой мне следовало бояться, а соседняя: мелкая, обычная. Тамара Ильична не знала. Она только почувствовала, как чувствует хорошая бухгалтерша, что где-то запах не тот.

— *Технически*, — сказала я с лёгким смеешком, — *это наверняка перенос по срокам. Давайте я завтра принесу пояснение.*

— *Конечно.* — Она подняла глаза. — *Конечно, Елена Андреевна. Только вы, пожалуйста, не затягивайте. Мне в конце месяца сдавать.*

Она смотрела мне прямо в лицо. И я поняла две вещи сразу. Первое: она ничего не знает. Второе: она чувствует, что я знаю.

Пушкинский Барон в «Скупом рыцаре» стоит над сундуками и произносит монолог, который в школе я считала скучным:

«Что не подвластно мне? Как некий демон / Отселе править миром я могу».

Теперь я понимаю его чувство. Не любовь к золоту, а чувство, что всё подвластно, пока числа в твоей руке. Весь вечер среды я просидела над таблицами, выстраивая пояснение для Тамары Ильичны. Ощущение было почти приятным: я лучший специалист по этим схемам в институте. Я могу всё привести в порядок. Я могу написать любой документ так, чтобы он выдержал любую проверку, кроме одной.

Той, где проверяют не бумаги.

ЗАПИСЬ 5. ДАНИЛА

Для полноты картины, потому что она нужна.

Вчера вечером пришло сообщение от Данилы. Короткое, вежливое, с извиняющимся тоном:

«Елена Андреевна, простите, что беспокою. У нас маленькая проблема, карточку заблокировали, а до зарплаты ещё неделя. Не могли бы вы одолжить тысяч двадцать на еду и Фёдору в садик? Я верну сразу, честное слово. Алиска не знает, что я пишу, ей будет неловко».

Алиска не знает, что я пишу. Фраза, которую прочитывают дважды.

Я стояла посреди своей кухни с телефоном в руке. У меня не было двадцати тысяч, у меня не было двух. Но в приложении банка я увидела, что на кредитной карте остался «льготный лимит» — восемь тысяч, который банк предложил сам, на днях. Остальное я добавила из тех денег, которых у меня не должно было быть.

Я отправила двадцать тысяч.

Знаю, что скажет Зоя Марковна. Скажет, что я откупились. Что я заплатила не за еду, а за то, чтобы не звонить, не приезжать и не слышать голос Алисы. Что мне так проще: перевод вместо визита. Отправка денег вместо присутствия.

Знаю, что скажет Алиса, если узнает. Скажет, что я как всегда решила проблему, не решая её.

Но в тот момент, нажимая «отправить», я почувствовала облегчение, которое и самой себе трудно объяснить. Я не просто оказалась в состоянии помочь. Я оказалась в состоянии быть нужной. Тот самый непрошенный сигнал в телефоне, «спасибо», то самое тепло, которое иногда приходит от цифры на экране, пришло и от этого ответа: «Елена Андреевна, вы нас выручили. Целуем».

Целуем.

ЗАПИСЬ 6. 23:15

Статью приняли в журнал с минимальными правками. Письмо пришло сегодня днём. Ридель переслал мне с пометкой: «Поздравляю. Это твоя работа». Катя прислала «ура!» с тремя восклицательными знаками. Организатор конференции написал, что хочет включить мой доклад в сборник.

Я прочитала все эти письма и ничего не почувствовала. Совсем ничего. Не равнодушие, а что-то более глубокое: как будто между мной и этими словами образовалась прозрачная стена, и я слышу голоса, но не разбираю слов.

Сегодня я составила в блокноте таблицу. Столбцы: «сумма к возврату», «срок», «что должно произойти». Строка одна: 1 340 000 рублей, 30 апреля, «ставка с положительным математическим ожиданием, повторенная необходимое число раз». Внизу итоговая строка: «Возможно. Вероятность 70%». Я не помню, откуда взяла 70%. Это число пришло ко мне само, как приходит правильный ответ в задаче.

Я верну. Это не заимствование и не хищение. Это кредит, который я выдала себе из собственных будущих выигрышей. Он будет возвращён с процентами, с запасом. И тогда окажется, что ничего не было.

Прочитала написанное. Каждое слово верно синтаксически.

Я ужрала. [зачёркнуто, но читается. Я, конечно, понимаю, что зачёркивать это слово уже поздно.]

Следующая запись: когда появятся результаты.

Глава 13

*Информация, полученная случайно,
не подлежит использованию в личных целях.*

Из кодекса профессиональной этики

Молчалины блаженствуют на свете!

А. С. Грибоедов, «Горе от ума»

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 13

Дата / время: 13 марта, суббота, 23:50.

Вес: 77,5 кг. Минус 20,7 от базовой линии.

АД / пульс: 108/68, 94 в минуту.

Температура: 35,6. Ощущение холода не проходит с 14:20.

Настроение (0–10): —

Сон за сутки: 2 ч 10 мин.

Если коротко, то сегодня Данила узнал.

Если подробно, то мне нужно записать всё, до последнего слова, потому что в таких ситуациях человек склонен запоминать собственную версию. Я знаю, как это работает. Через неделю я буду помнить, что говорила твёрже. Через месяц буду помнить, что вообще ничего не говорила. Через год я буду уверена, что разговора не было. Так что пишу сразу, сегодня, пока не сработали защиты.

ЗАПИСЬ 1. ПОЧЕМУ Я ПОЕХАЛА

Последний раз я была у них 17 октября. Это пять месяцев. Считаю по дням, 147. Я знаю точное число, потому что считала.

Ночь с 27 на 28 декабря не в счёт: я провела в их комнате несколько часов, но это другая история, и я про неё уже написала.

Что меня привело сегодня? Две вещи, одна приличная, другая нет.

Приличная: последнее сообщение Алисы. Девятого февраля она написала про новое слово Фёдора и просила приехать. Я не ответила. С тех пор прошло пять недель, и это молчание весило всё больше. Каждый раз, когда телефон оживал, я вздрагивала. Не потому что ждала ставок, а потому что ждала Алису. И она не писала.

Неприличная: Данила вчера прислал третье сообщение за месяц, на этот раз без просьбы о деньгах: «Елена Андреевна, как вы? Давно вас не видели. Алиска ждёт, но гордость не позволяет сказать. Приезжайте завтра, она с Фёдей будет в поликлинике до обеда, а я дома, чаю попью». Чаю попью. Не ловушка, а приглашение. Я поняла это сразу. И поехала всё равно.

В тот момент, когда я решала ехать, я уже знала, что еду не к Алисе. Если Алиса в поликлинике, то я еду к Даниле. Зачем? Чтобы посмотреть ему в глаза? Чтобы убедиться, что синяк на запястье дочери действительно был от дверцы?

Или чтобы расплатиться за двадцать тысяч, которые я ему отправила, и за то, что теперь стыдно за пять недель молчания. Не знаю. Все объяснения подходят.

По дороге купила два пакета продуктов в магазине у метро: фрукты, детские творожки, хорошая гречка, ромашковый чай, красная рыба. Не знаю зачем красная рыба. Просто рука потянулась.

ЗАПИСЬ 2. ЧАЙ

Он открыл дверь сразу, как будто стоял за ней. В домашней футболке, чистой, светлой, волосы влажные после душа. Улыбнулся шире, чем в прошлый раз.

— Елена Андреевна! А вы рано. Проходите, проходите. Давайте пакеты, я сам.

Он забрал у меня обе сумки. Я заметила, что у него новые ногти: уже не обкусанные. Просто аккуратно подстриженные. На правой руке у основания большого пальца длинная тонкая царапина, подживающая. Я записала её как «царапина, давность 3–5 дней, возможно от кошки или ветки». Кошки в квартире нет.

Кухня выглядела чище, чем раньше. Клеёнка в ромашках разглажена. На подоконнике новый горшок с геранью. На столе стояли две чашки с блюдами, фарфоровая сахарница, нарезанный лимон. Он всё продумал.

Я села на тот же стул, что в октябре. Он налил чай, придвинул сахарницу, присел напротив. Заговорил о пустяках: про работу («Повысили, теперь старший смены»), про Фёдора («Завтра в сад идёт на полдня, нужна справка»), про погоду. Смотрел на меня тепло и внимательно, и я поймала себя на том, что отвечаю ему как милому соседу. Что мне с ним легко.

В какой-то момент мой телефон, лежавший на столе рядом с чашкой, завибрировал. Дважды подряд. Я не заметила сразу. Заметила, когда увидела, что Данила не смотрит на меня, а смотрит чуть правее: на экран.

Экран высветился, как и положено, на тридцать секунд. Два уведомления друг под другом, без блокировки: на моём телефоне я отключила пароль для просмотра сообщений, когда ставки стали приходить слишком часто, чтобы не вводить код каждый раз.

Первое: «Банк. Операция по карте отклонена. Превышен кредитный лимит». Второе, от приложения: «Ваш депозит 15 000 # зачислен. Удачной игры!»

Я протянула руку. Взяла телефон. Перевернула его экраном вниз. Движение заняло, наверное, полторы секунды. И было совершенно бесполезным.

Данила помолчал. Поднял на меня глаза. Сказал совершенно спокойным голосом, в котором не было ни насмешки, ни торжества, ни даже любопытства:

— *Елена Андреевна, я случайно увидел. Простите.*

ЗАПИСЬ 3. РАЗГОВОР

Теперь записываю максимально точно. Я не знаю, что именно со мной происходило в эти минуты, но помню слова.

Первое, что я почувствовала, было холодом. Физическим. Не метафорой. От висков по лицу, потом по шее и плечам вниз, как будто кто-то окатил меня ледяной водой изнутри. Пальцы онемели. Я держала телефон, как держат предмет, который непонятно как оказался в руке.

Данила отпил чай. Поставил чашку на блюдце. Сказал:

— *Я не буду делать вид, что не видел. Не хочу вас обманывать. Вы мне нравитесь, Елена Андреевна. Я считаю вас хорошим человеком. Просто у вас сейчас сложный период.*

Я не ответила. Сидела и слушала, как в голове что-то трещит.

— *Мой отец играл. Лет десять. Ставки, потом карты, потом всё подряд. Я знаю, как это выглядит. Это видно по тому, как человек смотрит на телефон. Вы так смотрите. Почти всё время.*

Он говорил тихо, с участием, и в его лице, этого не скрыть, была настоящая боль. Тонкая, старая, отработанная. Я подумала: он не лжёт. Про отца не лжёт.

— *Я не осуждаю. Я правда не осуждаю. Просто хочу, чтобы вы знали: я вижу.*

Меня вдруг осенило, и это было страшнее холода. Передо мной сидел человек, который видит яснее, чем кто-либо из тех, кто был рядом со мной последние месяцы. Яснее Риделя, яснее Зои Марковны, яснее Тамары Ильиничны с её подчёркнутой строчкой. Он увидел и назвал за полторы минуты то, что я не могла сказать себе за три месяца.

И этот человек держал в руке мою дочь за запястье.

Я должна записать, что у меня в голове в этот момент были две мысли, которые не могли существовать одновременно, и всё же существовали. Первая: он опасен. Вторая: он единственный, с кем я могу об этом говорить.

— Алиске не надо знать, — сказал он мягко. — Вы же понимаете. Ей сейчас нельзя волноваться. Вы врач. Вы знаете, что бывает, когда у неё накапливается тревога. Если она узнает, что вы проигрываетесь, у неё может быть срыв. Настоящий. Я за неё боюсь.

Я смотрела на него и понимала, что он делает. Понимала профессионально, на уровне схемы. Он берёт диагноз моей дочери и использует его как рычаг. «Она хрупкая, ей нельзя знать». В чужих устах, в чужих руках слова из моей профессии звучали как шантаж, но завернутый в такую заботу, что к нему невозможно придраться.

Крылов писал:

«У сильного всегда бессильный виноват».

В школе мы учили это как басню о волке и ягнёнке. Сегодня я сидела на кухне, где один из нас был сильным, и пыталась понять, кто именно. Он, который говорит ровным голосом? Или я, потому что я в его руках, но у меня есть всё то, чего у него нет: деньги, степени, положение? А может быть, сильных здесь вообще нет, а есть двое, державших друг друга за самые больные места.

— Никто не должен знать, — продолжил он. — Ни Алиска, ни ваши на работе. Это остаётся между нами. Я никому не скажу. Я умею молчать, правда. А вы, в свою очередь, не будете расспрашивать Алису лишнего. Ну, про таблетки там, про то, как мы живём. Она от этого накручивается. Ей и так тяжело. Мы же семья.

Я слушала эту фразу, и в какой-то момент услышала в ней настоящую структуру. Договор. Он молчит о моих ставках. Я молчу о его руках. Он делает вид, что не видит, как я смотрю на телефон. Я делаю вид, что не вижу, как он смотрит на жену. Всё честно. Всё симметрично. Всё по-человечески.

Я могла сказать: нет. Могла встать, взять сумку и уйти. Могла позвонить в полицию, в опеку, Зое Марковне, кому угодно. Но телефон лежал на столе экраном вниз, и под ним, в маленьких светящихся цифрах, находилось всё, что у меня оставалось.

— Хорошо, — сказала я.

Это слово я запишу отдельной строкой.

Хорошо.

Два слога. Я произнесла их ровным голосом, как подтверждение диагноза. Данила улыбнулся и положил мне в чашку ещё один ломтик лимона, хотя я не просила. Сказал:

— Если вам понадобится помощь, Елена Андреевна, ну, в смысле, с долгами или чем-то таким, у меня есть знакомые, которые помогают людям в похожих ситуациях. Недорого. Я просто так говорю, на всякий случай.

— Нет, — сказала я.

— Конечно. Я просто сказал.

Он встал, убрал чашки. Я смотрела на его спину, на лопатки под футболкой, на то, как он включает воду, и думала только одно: у него руки аккуратные. Руки человека, который умеет аккуратно делать всё, что умеет.

ЗАПИСЬ 4. ЛИФТ

Я ушла минут через десять. Не дожидаясь возвращения Алисы. Объяснила, что вспомнила про встречу. Данила проводил меня до двери, придержал пальто, как в прошлый раз, нежно, по-сыновьи. Сказал на пороге: «Заезжайте ещё. И не волнуйтесь. Всё будет хорошо».

Лифт приехал сразу. Двери открылись, и из кабины вышли Алиса с Фёдором на руках.

Мы столкнулись, в буквальном смысле, лицом к лицу. Алиса в куртке, в шапке, с красными от мороза щеками, с лёгкой улыбкой, которая стёрлась, как только она меня увидела. Фёдор сидел у неё на руках, укутанный, в шапке с помпоном, и смотрел на меня серьёзными карими глазами.

— Ты здесь, — сказала Алиса. Без вопросительной интонации.

— Я хотела... Заезжала на минуточку. Продукты привезла.

Она смотрела мне в лицо. Долго. Так, как смотрела в ночь на двадцать восьмое декабря, когда я вошла в её комнату. Только теперь в её взгляде не было ни усталости, ни просьбы. Было то, что я бы назвала диагностикой.

— *Что случилось?* — спросила она.

— *Ничего.*

— *Ты врешь. У тебя лицо как тогда.*

— *Когда?*

— *Когда у бабушки было. На фотографии, которую ты прячешь.*

Я не прятала фотографию. Она лежит в ящике стола, и Алиса её не видела. Или видела? Спросить я не сумела.

Пока мы молчали, Фёдор, сидевший на руках у матери, вдруг вытянул руку, показал на меня пальцем и сказал:

— *Ба.*

Потом, глядя мне прямо в лицо, он приложил палец к губам, серьёзно, по-взрослому, и сказал второе слово, которое я слышала от него впервые:

— *Тише.*

Алиса, не меняя выражения лица, сказала:

— *Это он новое слово. То, про которое я писала. Я говорила, что скажу, когда приедешь.*

Я стояла в дверях лифта и держала рукой створку, чтобы она не закрылась. Помню холод от металла. Помню, как по лестнице вверх шли люди, помню запах чьей-то жареной рыбы.

— *Мне кажется, он этому научился не у меня,* — тихо сказала Алиса.

Она прошла мимо меня к двери. Даже не прикоснулась. Фёдор смотрел на меня через её плечо, не отводя глаз, с пальцем у губ. Дверь квартиры открылась, и я услышала, как Данила, который, видимо, всё это время стоял в прихожей, сказал ласково и громко: «Алиска, Федя, наконец-то! Ну что, как там?»

Дверь закрылась.

ЗАПИСЬ 5. 23:50

В машине я просидела минут сорок. Ничего не делала. Не включила зажигание, не открыла телефон, не позвонила. Просто сидела и смотрела на панель, где ровными зелёными цифрами горели часы.

Температура: 35,6. Это тоже данные.

Потом я завела мотор, доехала до дома, поднялась в квартиру. Сняла пальто. Села за стол. И включила приложение. Не потому что хотела, а потому что руки сами знали дорогу. В 22:10 я сделала три ставки. В 22:40 ещё две. Результат записывать не буду. Он не имеет значения.

Теперь о главном. Я сегодня заключила договор. С человеком, которого подозреваю в том, что он причиняет боль моей дочери. Условия: он молчит о моей слабости, я молчу о его. Подписи нет, но я произнесла слово «хорошо». А слово, произнесённое на кухне, при свидетеле, вслух, весит больше любой подписи.

Я не знаю, как называется то, что я сделала. Знаю, как выглядит со стороны: мать, которая вместо защиты ребёнка выбирает собственную тайну. Знаю, как это выглядело бы в чьём-нибудь анамнезе. И знаю, что сегодня я сделала это почти осознанно, с открытыми глазами и ясной головой.

Я могла бы написать, что у меня не было выбора. Но выбор был. Он назывался «нет». Слово из трёх букв, которое я не смогла произнести, потому что в этот момент был важнее телефон.

Фёдор сказал «тише».

Рисков не выявлено. Наблюдатель = испытуемый.

~~Я больше не наблюдатель.~~ [зачёркнуто. Нет, не так. Я больше не только наблюдатель. Это хуже.]

Глава 14

*При температуре выше 39 °C
немедленно вызывайте врача.
Из памятки для родителей
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.*

М. Ю. Лермонтов, «Казачья колыбельная»

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 14

Дата / время: 21 марта, воскресенье, 01:40. Описываемые события: суббота, 20 марта.

Вес: 76,9 кг. Минус 21,3 от базовой линии.

АД / пульс: не измерялись.

Настроение (0–10): не знаю, как оценить.

Сон за сутки: не спала.

Эту запись я собиралась не писать. Вернее, собиралась написать её коротко, три строки, для цифр: «ребёнок, температура, скорая, ОРВИ, всё в порядке». Всё это правда. Каждое слово можно проверить по карте вызова.

Но протокол, в котором нет правды, не протокол, а справка. Поэтому пишу полностью, ничего не смягчая. Это, возможно, самое важное, что я напишу в этой тетради.

ЗАПИСЬ 1. ЗВОНОК

В 17:40 зазвонил телефон. Я смотрела на экран: «Алиса». Звонок, не сообщение. Это был не первый звонок за год, но первый с просьбой. Я успела это понять раньше, чем ответила.

Она сказала без приветствия, голосом, в котором было что-то непривычное, и я не сразу поняла что. Страх. Простой, человеческий, бытовой. Не тот, что она иногда называет «фоно-вым»:

— *Мам. У Феди температура. Тридцать девять и четыре. Данила говорит, что пройдёт, что дети температурят. Я не уверена. Можешь приехать?*

Можешь приехать. Не «приезжай» и не «не приезжай». Можешь. Слово, которое она подобрала очень тщательно. Я слышала, как она его подбирала.

В эту минуту на экране моего компьютера, открытого на кухонном столе, шла игра. Матч начинался в 18:00, и у меня была заготовлена ставка. Расчёт, модель, вероятность. Я сказала: «Еду. Через полчаса». Положила трубку. Закрыла ноутбук.

Нет, не закрыла. Это неправда. Я сохранила окно с матчем, свернула его и взяла с собой телефон с уже открытым приложением. Я записываю это, чтобы потом не придумывать, что я просто побежала.

До них я доехала за тридцать одну минуту.

ЗАПИСЬ 2. ОСМОТР

Фёдор лежал на диване в большой комнате, укрытый до подбородка пледом с зайцами. Щёки горели ровным красным цветом, глаза блестели, губы пересохли. Он не плакал, а смотрел в потолок с каким-то взрослым, терпеливым выражением. Рядом, на подушке, лежал деревянный поезд.

Я не педиатр. Я физиолог. Но я двадцать лет читаю лекции о том, как в организме взаимодействуют системы, и знаю, что в двухлетнем возрасте температура под сорок означает осмотр, а не наблюдение.

Осмотрела: горло красное, но без налётов. Дыхание частое, без хрипов, которые я могла бы услышать без стетоскопа. Кожа горячая и влажная. Попробовала проверить, нет ли ригидности: осторожно наклонила голову вперёд, подбородок к груди. Фёдор поморщился, но голову согнул свободно. Проверила сыпь: прижала к его животу стеклянный стакан. Пятен нет. Ни на животе, ни на ногах.

Это были три действия, которые я совершила автоматически, как делала бы на дежурстве. Рука не дрожала. Я заметила это с удивлением.

Алиса стояла рядом, сложив руки на груди, и смотрела на меня как на врача, на настоящего, от которого зависит ответ. Впервые за долгое время она не смотрела на меня как на источник тревоги.

— *Что это?*

— *Скорее всего вирус. Или ухо. Я не могу исключить ухо без осмотра. Но температуру надо сбить и показать врачу сегодня. Сейчас. Давай вызовем скорую, лучше перестраховаться.*

Парацетамол в сиропе стоял на тумбочке. Я показала Алисе на этикетку: доза написана по весу, нужно прочесть внимательно и дать ровно столько, сколько указано для его веса, ни больше, ни меньше. Она прочитала вслух, дважды, и налила в мерный стаканчик. Я проверила, она правильно считала. Фёдор выпил, поморщился и снова уставился в потолок.

В этот момент в комнату вошёл Данила.

ЗАПИСЬ 3. ДАНИЛА

Я должна описать то, что произошло в течение следующих двадцати минут, потому что именно там находится то, что я назвала бы самым страшным в этой истории. Хотя пока не уверена, что именно.

Данила вошёл с влажным полотенцем, холодной водой в чашке и выражением лица образцового отца. Не наигранного: в этом всё дело. Он был озабочен, но не паникёр. Спокоен, но не равнодушен. Присел перед диваном на корточки. Положил ладонь Фёдору на лоб и сказал тихо, нежным, ласковым, доверительным голосом, которого я у него не слышала:

— *Ну что, боец. Жарко тебе? Потерпи, папа с тобой. Сейчас попьёшь, станет лучше.*

Фёдор перевёл на него глаза. И вот этого я не описала бы никому, потому что в этом взгляде не было ничего, за что можно зацепиться. Ни испуга, ни отвращения. Просто внимательное, расширенное, бесстрастное наблюдение. Взгляд животного, которое не знает, что будет через минуту.

Данила положил ему на лоб влажное полотенце. Поправил плед. Затем повернулся к Алисе, взял её за плечо и сказал ей, и мне, и воздуху:

— *Ты молодец, что позвонила маме. Правильно. Я бы сам не додумался. Вы, Елена Андреевна, как всегда вовремя.*

Он улыбнулся мне. И в этой улыбке я прочла чёткий, как печать, текст: «Смотрите. Я хороший. Вы же видите?»

Я видела.

Пока я звонила в скорую, диктовала адрес, возраст, температуру и симптомы, он сидел на корточках рядом с диваном и напевал что-то вполголоса, колыбельную без слов, чуть фальшивя. Диспетчер спросил: «Кто с ребёнком?» Данила, расслышав вопрос, чётко и мягко ответил в воздух, чтобы услышали по громкой связи: «Родители и бабушка. Мы все здесь».

«Мы все здесь». Родители и бабушка. Идеальная семья, собравшаяся вокруг больного ребёнка. Я стояла посреди комнаты с телефоном в руке и видела перед собой сцену из рекламного ролика про страхование. И понимала, что смотреть на неё можно будет с любого ракурса, и ни один не покажет щели.

Он играл. Вот что я поняла в ту минуту, с холодной отчётливостью, которую даёт только профессиональный взгляд. Он играл не для скорой помощи, потому что скорой ещё не было.

Играл для меня. Для Алисы. Для себя. Для ребёнка, который в какой-то момент должен был поверить, что у него есть отец.

И играл безупречно. Так, как умеют только те, кто много репетировал.

Врач, диспетчер, прохожий, судья, психолог: любой незнакомый человек, придя в эту комнату, увидел бы то, что хотел показать Данила. Я знала, что не так, и видела то же самое. Вот в чём страшная сила этого театра: он работает даже тогда, когда ты знаешь, что это театр.

ЗАПИСЬ 4. ВАННАЯ

В 19:02 я вышла из комнаты. Сказала: «Руки помою».

Ванная в их квартире маленькая, с жёлтой плиткой, с зеркалом над раковиной, с красной пластиковой корзиной для игрушек. Я закрыла за собой дверь и включила воду. Не потому что собиралась мыть. Для шума.

Руки у меня не были грязными. Я знала это в тот момент, как знаю сейчас.

Достала телефон. Открыла приложение. До начала матча оставалось четыре минуты. На счёте после последних списаний лежало восемь тысяч четыреста рублей, с последней карты, которую я открыла на прошлой неделе. Я поставила все.

Почему? Это вопрос, на который я могу ответить подробно, на трёх страницах, с графиками. И любой ответ был бы правдой. Модель. Возврат к среднему. «Надо вернуть». «Нервы». «Чтобы собраться». Но ни один из них не объяснял того, что происходило в этой ванной.

В соседней комнате, за стеной, лежал мой внук с температурой тридцать девять и четыре, а я стояла у раковины с включённой водой и пальцем над кнопкой «Подтвердить ставку».

Тут в дверь тихо постучали. Два раза костяшками. Алиса.

— Мам. Ты там?

Я не ответила сразу. Не успела. Вода шумела, я нажимала на экран, и на моём лице, я видела это в зеркале, не было ничего. Ни волнения, ни тревоги, ни вины. Спокойное лицо человека, который выполняет рутинную операцию.

— Мам, — повторила она тише. Голос шёл не из-за двери, а откуда-то снизу, из щели у пола: она, кажется, присела. — Я просто хотела сказать... Спасибо, что приехала. Правда. Я знаю, что тебе тяжело. Но ты приехала. Я это запомню.

Я смотрела на кнопку. На зелёном прямоугольнике белыми буквами значилось: «Подтвердить».

— Не за что, — сказала я.

И нажала.

Всё случилось одновременно: её «спасибо», моё «не за что», зелёная кнопка, шум воды. Если бы кто-нибудь наблюдал за мной со стороны, он увидел бы женщину у раковины: одной рукой она опирается на край, в другой телефон, на лице тишина. Она говорит «не за что». И нажимает.

Тютчев писал:

«О, как убийственно мы любим, / Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!»

Я не слепа. Это важно записать. Я видела всё, что делала, ровно, чётко, при ярком свете, в зеркале над раковиной. Видела и всё равно нажала. Наверное, в этом разница между Тютчевым и мной: у меня нет даже оправдания слепоты.

Умыла лицо. Вышла.

ЗАПИСЬ 5. СКОРАЯ

Бригада приехала в 19:38. Фельдшер лет пятидесяти, с усталым, добрым лицом и чемоданом, и молоденькая медсестра, которая всё время смотрела на Фёдора и улыбалась, чтобы он не боялся.

Осмотр занял минут десять. Горло, лёгкие, живот, уши. Правое ухо красное, натянутая барабанная перепонка. Фельдшер назвал это острым отитом и сказал, что, вероятно, к вечеру

температура пойдёт вниз, надо дать жаропонижающее, следить за питьём, завтра обязательно показаться педиатру, возможно, назначат антибиотик. «Ничего страшного, мамаша», сказал он Алисе, и мне: «Правильно сделали, что вызвали. С такой температурой лучше перестраховаться».

Алиса выдохнула. Я видела, как у неё опустились плечи, как расслабились руки, как она на секунду прикрыла глаза. Данила, стоявший рядом, подхватил её под локоть и сказал: «Ну вот, видишь. Я же говорил, что обойдётся». Хотя час назад он говорил Алисе совсем другое.

И в эту секунду, пока фельдшер закрывал чемодан, пока медсестра гладила Фёдора по волосам, пока Алиса плакала тихо, не от горя, а от облегчения, телефон в моём кармане завибрировал. Один раз, коротко.

Я знала, что это. Я знала до того, как достала.

Выигрыш. Двадцать тысяч шестьсот рублей.

Теперь запишу самое страшное, что я знаю о себе. В ту секунду во мне поднялась волна тепла. Та самая, знакомая, от груди к рукам, к лицу, ко лбу. И она совпала по времени, до секунды, с другой волной: облегчением от слов «ничего страшного».

Я не могу сказать, какая из них пришла первой.

Я стояла посреди комнаты, где моего внука только что признали здоровым, и чувствовала, как тепло расходится по телу, и не знала, что именно его вызывает: ребёнок или цифра. Я хотела разобраться, но не смогла. Они слились в одно чувство, как две реки, и теперь, наверное, навсегда будут течь вместе.

Вот это, как мне кажется, и есть болезнь. Не потеря денег. Не ложь. Не даже безразличие. А то, что они стали неразделимы: любовь и ставка, облегчение и выигрыш. Что тепло, которое должно приходить от живого ребёнка, приходит ещё и от экрана, и я уже не могу определить источник.

ЗАПИСЬ 6. ПРИХОЖАЯ

Бригада уехала в 20:10. Мы остались вчетвером. Фёдор уснул, пот выступил на висках, температура начала снижаться. Алиса сидела рядом с ним на диване, держа его ладонь. Данила на кухне ставил чайник, насвистывая что-то лёгкое.

Я надела пальто. Алиса вышла за мной в прихожую.

Она стояла в тёмном коридоре, в той самой серой кофте, с растрёпанными волосами. Подняла на меня глаза. Потом сделала то, чего не делала лет шесть: обняла меня. Неловко, сухо, одной рукой, как обнимают человека, с которым давно не обнимались и не помнят, как. Её голова на секунду оказалась у моего плеча.

— Спасибо, — сказала она. — Правда.

Я стояла, обнимая свою дочь, и чувствовала, как тепло от выигрыша ещё не остыло под кожей. Оно было там. Под рёбрами. Рядом с её щекой.

— Ты долго была в ванной, — добавила она тихо, чтобы не слышал Данила. — Я подумала, что ты плачешь. Не хотела мешать. Но потом решила, что тебе, может, нужно, чтобы кто-нибудь сказал. Просто сказал.

Я не заплакала. Я прижала её к себе чуть сильнее. Сказала: «Всё хорошо. Иди к Феде».

Она ушла. Я вышла на лестничную клетку. Дверь за мной закрылась мягко, без звука.

ЗАПИСЬ 7. 01:40

Сейчас почти два часа ночи. Я сижу за столом, в пальто, которого так и не сняла. Рядом лежит телефон, экраном вниз. Я знаю, сколько на счёте. Знаю, что утром можно будет поставить снова.

Вот что я записываю в качестве вывода. Не научного, а только того, что осталось.

Алиса сказала «спасибо» человеку, который в тот момент нажимал кнопку. Я не могу вернуть ей это «спасибо». Не могу сказать правду, не потеряв её. Не могу промолчать, не предав. И не могу забрать обратно слова «не за что», сказанные в закрытую дверь.

Данила видел всё. Я это знаю точно, хотя ни он, ни я не произнесли ни слова. Когда я вышла из ванной, он на секунду встретился со мной взглядом. Улыбнулся, как улыбаются сообщнику, и сказал: «Вы такая молодец, Елена Андреевна». Я не стала разбирать, к чему это относилось.

И ещё одно, последнее. Фёдор, засыпая, в последний раз открыл глаза и посмотрел на меня поверх одеяла. Не на отца, не на мать. На меня. И приложил палец к губам.

Тише.

Рисков не выявлено.

Здесь нечего зачёркивать.

Глава 15

Руководитель обязан сообщить о выявленных нарушениях в вышестоящую инстанцию.

Из устава научного учреждения

Ничто, ничто... едина разве совесть.

А. С. Пушкин, «Борис Годунов»

ПРОТОКОЛ САМОНАБЛЮДЕНИЯ № 15

Дата / время: 1 апреля, четверг, 23:55.

Вес: 76,1 кг. Минус 22,1 от базовой линии.

АД / пульс: 106/66, 96 в минуту.

Сумма вне назначения (по грантовому счёту): 2 110 000 руб.

Срок отчётности перед фондом: 30 апреля.

Сон за сутки: 3 ч.

Сегодня я впервые за много лет разговаривала с Риделем и ни разу не пыталась его ранить. И он меня. Это нужно записать и подчеркнуть. Это не должно быть потеряно среди остального.

Потому что к остальному, к тому, что он нашёл, что я сказала и что он ответил, привыкнуть можно. К этому нельзя.

ЗАПИСЬ 1. 21:40

Я сидела в кабинете одна. Лаборатория давно опустела: Катя уехала в шесть, Тамара Ильинична ещё раньше, в коридорах горел дежурный свет. На экране у меня была открытая таблица, не та, в которой я веду ставки, а другая: «Возврат_2». Я пересчитывала, сколько нужно выиграть к пятнадцатому, чтобы закрыть хотя бы первую часть. Выходило много.

Стук. Один. Не двумя костяшками, как стучит Катя. Тяжёлой ладонью, как стучат те, кто не сомневается, что войдут.

Ридель вошёл и закрыл дверь за собой на защёлку. Это было непривычно: он всегда оставлял двери приоткрытыми, за двадцать лет я не помню ни одного случая. Он был в сером пальто, без шапки, с мокрыми от моросящего дождя волосами. В руках держал картонную папку, незавязанную, из которой торчали листы.

Он положил её на стол между нами. Не раскрыл. Просто положил. Я сказала:

— Глеб.

— *Не вставай,* — сказал он.

Я и не собиралась. Села прямее. Поймала себя на том, что закрыла крышку ноутбука. Движение было слишком быстрым, и он его заметил.

Он придвинул стул, сел напротив, расстегнул пальто. Посмотрел на меня долго, так, как смотрел в тот день в переговорной в октябре, только теперь без полутени. Свет настольной лампы падал ему на лицо, и я увидела, что он постарел. Не на год, не на два. Что-то в нём как будто осело. Седина у висков стала шире. Под глазами лежала тень, знакомая мне по зеркалу.

— *Я три дня считал,* — сказал он. — *Хотел ошибиться.*

ЗАПИСЬ 2. ЧТО ОН НАШЁЛ

Он говорил ровно, без пауз, без нажима, не глядя в бумаги, потому что они ему были не нужны. Он помнил всё наизусть. Так он читал лекции в молодости: ни одной шпаргалки.

— *В понедельник ко мне пришла Тамара Ильинична. Закрыла дверь, села, сказала, что у неё странное расхождение в сводной по твоему гранту. Что она уверена в технической причине, но хочет, чтобы кто-то компетентный посмотрел до отправки отчёта. Я сказал: «Оставьте, я гляну».*

Он помолчал.

— Я посмотрел. Сначала в сводной. Потом в первичке. Потом по сроковым ведомостям, по договорам, по движению на специальном счёте. К среде вечером я знал картину. К четвергу, сегодня утром, знал сумму. Два миллиона сто десять тысяч. С точностью, как мне кажется, до нескольких тысяч в ту или другую сторону.

Я смотрела на его руки. Они лежали на папке, большие, с пятнами на тыльной стороне, с чуть опухшими суставами. Он не сжимал их. Я знаю, как он выглядит, когда злится: руки у него становятся очень неподвижными. Сейчас они были просто усталыми.

— Тамаре Ильиничне я сказал, что расхождение моё. Что это я несколько месяцев назад распорядился перенести часть закупки по другой статье, не оформив как положено, и забыл. Она не поверила ни на секунду. Но сказала: «Хорошо, Глеб Сергеевич» и положила сводную ко мне в стол.

— Ты взял это на себя, — сказала я. Голос у меня оказался тихим.

— На три дня. — Он сказал это без самоуважения, как сообщают расписание. — Три дня я держал сводную у себя. Не отправлял, не показывал. Ждал, что ты придёшь сама. Что ты зайдёшь и скажешь.

— Я не знала, что ты...

— Знаю, что не знала.

ЗАПИСЬ 3. ТРИ ФРАЗЫ, КОТОРЫХ Я НЕ СКАЗАЛА

Здесь мне нужно остановиться и записать то, что обычно не записывают. Потому что история наших отношений, это история точных фраз, и если не зафиксировать, что произошло с ними сегодня, будет неясно, в чём разница.

В тот момент, когда он сказал «хотел ошибиться», у меня в голове сложились три фразы. Не придуманные, а готовые, отточенные за двадцать лет. Я произносила бы их так же легко, как «доброе утро».

Первая. «Ты, видимо, давно мечтал найти что-нибудь на меня, чтобы наконец почувствовать себя правым».

Вторая. «Интересно, что аспирантка твоя не заметила. Или ей это неинтересно, пока ты хорош в постели и в списке авторов».

Третья. «Ты всегда был трусом, Глеб. Три дня молчал. Это не благородство. Это расчёт, чтобы потом сказать, что давал мне шанс».

Каждая попала бы. Я знала, куда именно. Они лежали у меня на языке, как лезвия, и я чувствовала их вкус.

Я их не сказала.

Не из благородства. Я хочу, чтобы это было записано честно: не из благородства. Просто в тот момент я посмотрела на него и поняла, что он тоже держит три фразы. Видела по тому, как он слегка прикусил нижнюю губу, как чуть приподнялся угол рта и тут же вернулся на место. Он тоже мог. Он тоже знал, куда. Мог начать с моей матери. Мог начать с ставок. Мог напомнить, что я двадцать лет читаю лекции про то, во что сама превратилась.

Мы сидели друг напротив друга, два человека с заряженным оружием, и оба положили его на стол.

Ни он, ни я не сказали об этом ни слова. Но что-то сдвинулось. Как будто мы наконец договорились не говорить на языке, который оба знаем слишком хорошо.

ЗАПИСЬ 4. ПРАВДА

— Это ставки? — спросил он.

Вопрос был задан так тихо, что я скорее прочитала его по губам. Ни обвинения, ни удивления. Констатация.

Я могла соврать. Могла сказать про «научный проект», про «инвестиции», про «временные трудности». Могла выбрать любую из дюжины формулировок. Я их знала все.

— Да, — сказала я.

Он кивнул. Медленно, как человек, получивший подтверждение того, чего боялся.

— С декабря?

— С семнадцатого декабря.

— Как много?

— Моих собственных денег ушло больше миллиона. Грант — это то, что сверху.

Он закрыл глаза. Секунды на три. Я смотрела на его лицо, на то, как напряглась жилка у виска, и думала: вот человек, который двадцать лет считал меня сильной. Теперь он узнаёт, что сильной я была только в области, где ничего не стоило.

— Лена. — Он открыл глаза. — Я должен сказать тебе одну вещь, и ты не обязана отвечать.

— Говори.

— Одиннадцать лет назад, в мае, когда мы ругались из-за квартиры, я сказал тебе: «Ты как она». Про твою мать. Помнишь?

Я помнила. Каждое слово, каждую паузу, цвет скатерти.

— Это была ложь, — сказал он. — Подлая, продуманная ложь. Ты не была как она. Ты была совершенно другим человеком. Я знал это, когда говорил. Я использовал то, что ты рассказала мне ночью, в единственный раз, когда ты решила мне доверять, и ударил тебя этим, потому что мне нужно было выиграть спор. Я выиграл. Это единственная победа в моей жизни, которой я стыжусь.

Я не плакала. Не умею, особенно при нём. Я сидела и смотрела на его руки, на папку, на лампу, и ничего не говорила. В коридоре что-то мягко щёлкнуло: отопление. Слышно было, как работает здание.

— Зачем ты мне это сейчас говоришь? — спросила я.

— Затем что ты сейчас, возможно, думаешь, будто я пришёл с правотой. Что я пришёл с теми фразами, которые ты ждала. Я не принёс их. Я пришёл сказать, что хуже тебя я был. И что если кто-то из нас и должен просить прощения, то я, не ты.

Это были самые точные слова из всех, что я слышала от него за двадцать лет. И в них не было ничего, чем можно было ранить.

ЗАПИСЬ 5. «Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ»

Дальше он сказал то, ради чего, видимо, и пришёл. Спокойно, как диагноз.

— Я больше не могу, Лена.

Я ждала продолжения. Он не торопился.

— Не потому, что это грех. Хотя грех. Не потому, что я твой судья. Хотя в какой-то степени судья. Просто срок. Тридцатого апреля нужно отправить отчёт. Тамара Ильинична не подпишет его, пока я не скажу, что всё в порядке. Я не скажу этого, потому что это неправда. Если я промолчу и она подпишет, ответственность ляжет на неё. Тридцать четыре года стаж. Я так не могу.

— Ты хочешь сообщить?

— Я обязан. — Он помолчал. — Но я не хочу сообщать про тебя. Я хочу, чтобы ты пришла сама. До тридцатого, лучше раньше. В комиссию по этике, к директору, к кому угодно. И сказала всё. Я пойду с тобой. Я скажу, что знал три дня и что считаю это своей ошибкой.

— Тебя тоже накажут.

— Скорее всего. Мне скоро шестьдесят. Это не страшно.

Он вынул из кармана пальто сложенный вдвое листок. Развернул, положил на папку.

— Здесь телефон. Это не психиатр, это центр, где работают с зависимостью от азартных игр. Мне посоветовала коллега из Санкт-Петербурга, у неё брат. Не прошу тебя звонить. Просто пусть лежит.

Я смотрела на листок. На нём его почерком, мелким, угловатым, был написан номер, и под ним слово: «Анна».

— *И ещё. У меня есть четыреста тысяч. Это немного. Но если ты хочешь закрыть часть...*

— *Нет.*

— *Лена...*

— *Нет, Глеб. Если я возьму у тебя эти деньги, они уйдут туда же. Ты понимаешь это не хуже меня.*

Он помолчал. Потом кивнул.

— *Понимаю. Поэтому и не настаивал. Просто хотел, чтобы ты знала, что я предлагал.*

Я смотрела на этого человека, которого любила, ненавидела, презирала и от которого уходила. Человека, который тридцать лет умел находить во мне самое слабое место и бить в него. И он сидел, в мокром пальто, с чужим номером в кармане, и предлагал мне все свои сбережения.

Пушкин написал строчку, над которой мы с ним когда-то смеялись, потому что нам казалось, что она годится только для романа:

«Любви все возрасты покорны».

Мы смеялись. Он тогда был чуть старше, чем я сейчас. Теперь мне не смешно.

— *Дай мне время, — сказала я. — До пятнадцатого апреля.*

— *Зачем?*

— *Я верну. Я знаю, как. Модель...*

Он смотрел на меня так, как смотрят на человека, который говорит, что всё под контролем, стоя у самого края.

— *Лена. Ты не вернёшь.*

Это не было упрёком. Он сказал это мягко, почти нежно.

— *Ты не отличаешь...*

Он остановился. Закрыв рот. Я видела, как он поймал свою же фразу, ту самую, из октября, и положил её обратно. Не сказал её. Выдохнул, потёр переносицу двумя пальцами, как всегда, когда подбирает слова.

— *До пятнадцатого, — сказал он. — Хорошо. До пятнадцатого апреля. Если к этому времени ты не придёшь сама, мне придётся. Потому что я не могу прикрывать тебя дольше. Не потому, что не хочу. Потому что я тебе не друг, если буду делать это.*

Он встал. Надел пальто, застегнул. Взял папку, подумал секунду и оставил её на столе. Потом положил мне на плечо ладонь, тяжёлую, тёплую, сухую. Не сжимая. Просто положил. И держал так, наверное, секунд пять.

— *Полина не знает, что я здесь, — сказал он тихо. — Только чтобы ты не думала. Это не про неё. Это про нас.*

И вышел.

ЗАПИСЬ 6. 23:55

После его ухода я просидела минут двадцать. Не включала свет, не открывала ноутбук. Папка лежала передо мной. Я не открывала её. Знала, что там: его почерк, его расчёты, его три дня.

Потом я сделала то, что делаю всегда. Я открыла телефон.

Я сделала две ставки. Одну на футбол, одну на теннис. Сумма небольшая, из тех денег, которых у меня уже не было. Я записываю это не для того, чтобы показать, какая я дрянь. Я записываю, потому что это и есть, пожалуй, главный результат вечера. Человек, которого я знала двадцать лет, пришёл и положил передо мной своё прощение. Я взяла телефон и сделала то же, что делала бы без него.

Ридель сказал: «Я больше не могу». Я записала: ещё пятнадцать дней.

Мне надо сформулировать то, что не получается. Сегодня в первый раз за много лет мы не воевали. И, возможно, именно поэтому мне так страшно. Пока мы бились друг об друга, у меня была опора: сопротивление. Сегодня сопротивления не было. Он просто положил руку мне на плечо, и под этой рукой я вдруг почувствовала, как много во мне пустоты.

Листок с номером лежит на папке. На нём слово «Анна».

Я его не выбросила.

~~Рисков не выявлено.~~ *[зачёркнуто. Я перестала писать эту фразу. Она больше не ложь. Она просто неуместна.]*